

А. А. ЗАЛИЗНЯК

К истории одного нефонетического изменения*

§ 1. В истории русского ударения имеется один важный эпизод, который интересен как для акцентологии, так и для понимания механизмов нефонетических изменений. Речь идет об акцентной эволюции глаголов II спряжения и в первую очередь о массовом переходе глаголов с флексийным ударением презенса (типа *ловѣишь, учишь*) к смежно-подвижному ударению презенса (типа *лѳвишь, учишь*).

Этот переход уже давно привлекал внимание акцентологов (Веселовская 1958; Пирогова 1963; Хазагеров 1973; Бромлей 1978; Воронцова 1979). Он рассматривался также нами в работах Зализняк 1981 (§ 52–53) и Зализняк 1985 (§ 3.68, 3.74–75, 4.4). В настоящей статье развиваются основные положения этих двух работ (с некоторым изменением техники изложения и без повторного приведения материала рукописей, но с использованием дополнительного материала по XVI–XVII вв. из ДРУ) и дается более полный разбор некоторых существенных аспектов указанного акцентного изменения.

Глаголы II спряжения обозначаются ниже как *i*-глаголы (инфинитив *-ити*) и *ѣ*-глаголы (инфинитив *-ѣти, -ати*).

Поскольку в описаниях ударения в современном языке и в исторической акцентологии используется разная терминология, условимся вначале о терминах, в которых можно описывать одновременно то и другое.

В древнерусском языке у глаголов различались акцентные парадигмы (сокращенно: а. п.) *a*, *b* и *c*. Так, например, у *i*-глаголов: а. п. *a* (*ста́вити, ста́влю, ста́вишь*), а. п. *b* (*просѣ́ти, проѣ́у, про́сѣишь*) и а. п. *c* (*родѣ́ти, рѳ́жеу* [первоначально энклиномен], *родѣ́ишь*).

В современном языке это тройное разделение в целом сохранилось. Изменилась только акцентовка некоторых форм в а. п. *c*; в ча-

* А. А. Зализняк (29.04.1935–24.12.2017) отдал статью в сборник одним из первых, еще в 2015 г., считая ее в целом законченной, с просьбой сообщить ему, когда она будет идти в печать, чтобы он мог выполнить несколько мелких доделок. С тех пор он продолжал работать над текстом (последняя версия датируется 06.12.2017), при этом в статье осталось три авторских ремарки: две из них отмечают места, требующие дополнительной проверки или доработки (ниже помечены знаком {∅}); третья приведена в сноске в фигурных скобках. Авторский файл содержит также «Резерв» — рабочие материалы к статье; редколлекцией было принято решение опубликовать из них отрывок о синхронных закономерностях распределения ударения в *i*-глаголах (написанный автором на первых этапах подготовки статьи), логически тесно связанный с основной темой работы. Он публикуется (с минимальной редакторской правкой) в качестве приложения к статье. — *Ред.*

стности, в 1 ед. презенса ударение типа *рѡжу* сменилось ударением типа *рожу́*, в результате чего ударение в презенсе этой а. п. стало чисто флексийным. Соответственно, в современном языке различаются три так наз. схемы ударения: неподвижное наосновное ударение (наследие древней а. п. *a*), неподвижное флексийное ударение (наследие древней а. п. *c*) и подвижное ударение (наследие древней а. п. *b*). Как можно видеть, логика синхронного описания здесь заставила поставить в иерархии схем ударения прежнюю а. п. *c* не на третье, а на второе место. Но, к сожалению, это привело к «перекрестности» символов *b* и *c* в применении к истории и к синхронии, весьма неудобной для тех работ, где рассматриваются оба этих аспекта языка.

Поэтому ниже, во избежание недоразумений, мы будем обозначать три модели ударения, общие для древнего и современного языка, наглядными формулами СТАВИШЬ, ПРОСИШЬ, РОДИШЬ.

§ 2. В древнерусском языке распределение непроемных *i*- и *ě*-глаголов по акцентным парадигмам было чисто списочным и никакими другими свойствами слова не определялось (с тем ограничением, правда, что а. п. *a* была невозможна, если корень содержал краткую гласную: *о*, *е*, *ь* или *ь* [не в составе сочетаний типа *ТорТ* или *ТърТ*]).

У производных *i*-глаголов акцентная парадигма совпадала с акцентной парадигмой производящего слова, например: *ба́бити* — а. п. *a* (от слова а. п. *a* *ба́ба*); *труби́ти* — а. п. *b* (от слова а. п. *b* *труба́*); *соли́ти* — а. п. *c* (от слова а. п. *c* *со́ль*).

Но на протяжении истории распределение глаголов по акцентным парадигмам во многом изменилось. Кроме того, появилось много новых глаголов, которые так или иначе вписались в старую систему а. п.

Переходы глаголов из одной а. п. в другую носили не фонетический характер; как правило это были процессы акцентного уподобления одних глаголов другим.

Такие переходы бывали двух родов: индивидуальные (или мелкогрупповые), охватывающие лишь одно или несколько глагольных гнезд, и массовые, охватывающие в итоге многие десятки гнезд.

Для истории русского языка, естественно, первостепенный интерес представляют массовые переходы; их можно назвать также переакцентовками. Важнейшими массовыми переходами в истории русских *i*- и *ě*-глаголов были:

первая (ранняя) переакцентовка отыменных глаголов а. п. *b* в а. п. *c* (начавшаяся не позже, чем в раннем древнерусском);

вторая (поздняя) переакцентовка переходных глаголов а. п. с в а. п. *b* (начавшаяся, вероятно, в XIV в., но активизировавшаяся лишь в XVI в.).

В настоящей работе основное внимание уделено второй переакцентовке; но кратко описана также первая и, кроме того, отмечены некоторые менее масштабные явления.

Ударение церковнославянизмов

§ 3. Особый вопрос составляет ударение слов церковнославянского лексического пласта. В XVI–XVII вв. уже существует различие народного и книжного ударения. Специфически книжное ударение закреплено за лексикой церковнославянского происхождения, принадлежащей возвышенному и книжному стилю (независимо от того, имеются ли в слове фонетические признаки такого происхождения), а в случаях, когда у слова или словоформы есть фонетически различающиеся варианты разного стиля, — за вариантом книжного стиля. Например, варианты *приняль*, *принялѧ* имеют народное ударение, а варианты *прияль*, *прияла* — специфически книжное.

В рассматриваемом нами пункте системы в качестве специфически книжного ударения может выступать модель РОДИШЬ. По этой причине следуют данной модели¹, в частности (приводим презенсы²): *хранѣть*, *владѣть*, *-вратѣть*, *претѣть*, *соблазнѣть*, *совокупѣть*, *вкусѣть*, *искусѣть*, *утолитѣ*, *расточитѣ*, *ощутѣть* (все они первоначально носились к а. п. *b*, ср., например, *хоробитѣ*, *волочитѣ*, *воробитѣ*).

В описываемых ниже акцентных изменениях эти глаголы уже не участвуют (кроме особо оговариваемых случаев).

Первая (ранняя) переакцентовка: перевод отыменных глаголов модели ПРОСИШЬ в модель РОДИШЬ

§ 4. Переакцентовка отыменных глаголов а. п. *b* началась не позже, чем в раннем древнерусском. Ее механизм состоит в том, что пре-

¹ Здесь и во всех дальнейших списках каждый глагол (как простой, так и приставочный) представляет, если не указано иное, не только себя, но и всё гнездо, т. е. всю совокупность приставочных производных от данной основы, в т. ч. возвратных.

² Здесь и далее мы используем в примерах древнерусского презенса 3-го лица (кроме цитируемых по памятнику) книжное окончание *-ть* (а не народное *-тъ*). Это сделано для того, чтобы избавить читателя от досадной необходимости каждый раз задумываться над тем, какой хронологический уровень — древний или современный — имеется в виду, и в зависимости от этого истолковывать форму на *-тъ* как презенс или как инфинитив.

зенсы исконной а. п. *b* (например, *мёртвѣтъ*, *бѣлитъ*, *пилѣтъ*) уподобляются презенсам исконной а. п. *c* (например, *живѣтъ*, *солѣтъ*, *веселѣтъ*), в результате чего появляются формы типа *мертвѣтъ*, *бѣлитъ*, *пилѣтъ*. В ряде случаев даже самые ранние фиксации слова уже отражают результат такой переакцентовки.

В разных группах производных глаголов данная переакцентовка протекала с разной степенью последовательности и с несколько различными ограничениями.

В частности, во многих случаях, как это можно видеть из приводимых ниже списков, производный глагол имел книжный характер и, следовательно, переход к а. п. *c* был активно поддержан правилом о книжных словах; но это обстоятельство здесь не было обязательным условием перехода.

Говоря об акцентовке производящих имен, следует различать их исконную (древнерусскую) акцентовку и позднейшую, которая может и не совпадать с исконной (а у слов позднего происхождения древней акцентовки просто нет). Производные глаголы могут отражать как раннюю, так и позднюю акцентовку исходных имен; это зависит от времени вхождения производного глагола в язык. В некоторых случаях давно существующий производный глагол получал новое ударение в соответствии с новой акцентовкой производящего.

1. Производные от имен исконной а. п. *b* с односложной (или полногласной) основой.

Во многих случаях ранние фиксации слова еще отражают принадлежность отыменного глагола к а. п. *b* (ссылки на памятники не даются, см. ДРУ). Только а. п. *b* отмечена в XIV–XVII вв. у глаголов: *судѣти*, *служѣти*, *робѣти* ‘поработать’, *тужѣти* (от *туга* ‘печаль’, ‘тоска’), *своѣти*, *мочѣти*; то же верно для глаголов *трубѣти*, *пилѣти*, *обагрѣти*, *сытѣти* (от *сыта*), у которых в более позднее время формы а. п. *c* всё же появляются. Сохраняет древнюю акцентовку по а. п. *b* глагол *отелѣтися*, в материале этой эпохи не встретившийся.

В XIV–XVII вв. отмечена а. п. *b*, но наряду с ней уже и хотя бы некоторые акцентовки по а. п. *c*: *мертвѣти*, *гнѣздѣтися*, *плодѣти*, *трудѣти(ся)*, *хвалѣти*, *бѣлѣти*, *изумѣти* ‘лишить ума, обезумить’, *женѣти(ся)*, *чернѣти*, *сравнѣти*, *острѣти*, *красѣти*; то же верно для книжных *лунѣтися* ‘*somnambulare*’, *водворѣти*, *обличѣти*.

Но имеется также группа глаголов, производных от имен с исконной а. п. *b*, у которых в XIV–XVII вв. уже фиксируется только акцентовка по а. п. *c*: *дождѣти*, *окрилѣти*, *царѣти* (*воцарѣтися*), *испестрѣти*, *ожелтѣти*, *постѣти(ся)*, *наустѣти*, *полчѣти(ся)*, *охорошѣти*, *грѣбѣти*, *приобѣти*, *истоѣти*. То же верно для *числѣти*,

ис-, *селѣти*, *крестѣти*, *ключѣти*, у которых позднее ударение еще раз изменилось (см. ниже, § 10). {∅}

Значительное число глаголов, производных тоже от имен с исконной а.п. *b*, в нашем материале XIV–XVII вв. не встретились, но в современном языке имеют ударение по модели РОДИШЬ (приводим формы презенса): *освежѣт*, *округлѣт*, *оголѣт*, *зачехлѣт*, *упразднѣт*, *дернѣт*, *глупнѣт*, *бодрѣт*, *испецрѣт*, *поощрѣт*; *застолбѣт*, *стыдѣт*, *застеклѣт*, *окрылѣт*, *ошеломѣт*, *винѣт*, *пятнѣт*, *толпѣт*, *лисѣт*, *струѣт*, *окотѣт*, *излучѣт*, *ершѣт*, *переборѣт*.

2. Производные от имен исконной а.п. *b* с неодносложной основой.

Такие глаголы получали вместо первоначальной акцентовки по а.п. *b*:

в общем случае — акцентовку по а.п. *c*, например: *закабалѣт*, *шелушѣт*, *обожествѣт*, *осуществѣт*, *утяжелѣт*, *горячѣт*;

в частном случае, когда глагол произведен от существительного мужского рода, — акцентовку по а.п. *a* с ударением исходной формы производящего существительного (эффект обобщения ударения презенса, см. § 12), например: отмеченные уже в XVII в. — *пономарѣт*, *толмачѣт* (инф. *пономарѣть*, *толмачѣть*); прочие — *мытарѣт* (от старого ударения *мытарь -я*), *дурачѣт*, *утюжит*, *буравѣт*.

Если, однако, глагол имеет «слабое» *-ся* (§ 11), то эффект этого «слабого» *-ся* дает такой же результат, как в общем случае, т.е. акцентовку по а.п. *c*, например: *петушѣт*, *пузырѣт* (в отличие от *запузырѣт*), *табунѣт* (в отличие от *стабунѣт*).

Переход *i*-глаголов а.п. *a* в модель РОДИШЬ

§ 5. В западной диалектной зоне (см. Зализняк 1985: 239, карта 2; ДРУ: 77) в XIV–XVII вв. был активен процесс тематизации ударения, т.е. переноса ударения с корня на тематический элемент (см. Зализняк 1985: 182; ДРУ: 41). Его составной частью был переход *i*-глаголов а.п. *a* в модель РОДИШЬ. В восточной диалектной зоне этот процесс развился гораздо слабее. В дальнейшем часть перенесенных ударений стала общерусской, другая часть не закрепились.

В современном литературном языке следы этого процесса таковы.

Модель РОДИШЬ закрепились в основном у производных от прилагательных с односложной основой (приводим презенсы): *умалѣт*, *умилѣт*, *синѣт*, *сквернѣт*, *пьянѣт*, *утишѣт*, *рыхлѣт*, *взрослѣт* и все с суффиксом *-н-* — *сравнѣт*, *обеднѣт*, *затруднѣт*, *увлажнѣт*, *упрочнѣт*. То же от корней, от которых бессуффиксальных прилагательных нет: *удалѣт*, *мерзѣт*, *скользѣт*.

Но в значительной группе таких производных древнее ударение сохранилось (приводим инфинитивы): *осла́бить, пра́вить, мно́жить, сдо́жить, оподо́лить, осме́литься, опо́шлить, ста́рить, чи́стить, на-сы́тить, напо́лнить* (но *полни́ть* ‘делать полным на вид’); колебание: *оки́слить* и *окисли́ть*. То же от корней, от которых бессуффиксальных прилагательных нет: *глаго́лить, прибли́жить* (древнее *прибли́жити*), *пони́зить, су́зить, расши́рить, повы́сить*.

Отсубстантивные производные такой же структуры как правило сохраняют свою принадлежность к а. п. а, например: *сла́вить, нб́жить, ра́нить, нб́нить(ся), вб́рить, мб́рить, тра́тить, му́чить, мы́слить; жа́лить, са́лить, ма́слить, мы́лить, чу́диться* (в отличие от *чуди́ть*, § 11); *глаго́лить, морозо́вить*.

Сохраняют древнее ударение также современные *обу́глиться, провб́трить, скрю́чить, навью́чить, жу́чить* — в соответствии с исконной принадлежностью слов *угль, вб́трь, крюк, юк, жу́к* к а. п. а, хотя позднее эти имена свое ударение изменили (вероятно, сюда же относится *похэ́рить*).

Но в ряде других случаев ударение производного следует уже не за древним, а за новым ударением имени, в частности (приводим презенсы): *испару́т, обслу́ют, присту́нут, зерну́т, вместу́т, разветву́т, осену́т, затену́т, дыму́т* — от новых акцентных вариантов исходных слов (*пар, слюна́, струна́, зерно́, ме́сто* [мн. *места́*], *ветвь [ветве́й], сень* [Р. мн. *сенéй*], *тьнь* [Р. мн. *тенéй*], *дым* [мн. *дымы́*]), а не от первоначальных *па́ра, сли́на, стру́на, зёрно, мб́сто, вб́твь, сб́нь, тб́нь, ды́мь*, принадлежавших к а. п. а. Ударение *язву́т*, у-, вероятно, связано с акцентным вариантом *язва́*, встречающимся в памятниках XVI–XVII вв.; ударение *провешу́т, об-* — с распространенным в говорах акцентным вариантом *веха́*. Ударение *внедри́т* определяется его книжным характером (см. § 3).

В глаголах позднего происхождения, производных от имен с постоянным наосновным ударением, почти всегда ударение такое же, т. е. на основе, например (приводим инфинитивы): *тра́лить, приши́лить, проитра́фиться, зары́фить, дрей́фить, шкб́дить, прошля́пить, пудри́ть, приши́орить, навáксить*. Исключение: *бомби́ть*. О словах *бубни́ть, баси́ть, хохми́ть, искри́ть* см. § 11.

При неодносложной основе производящего слова производные от а. п. а в нормальном случае сохраняли старое ударение, например: *гото́вит, трево́жит, печа́лит, моча́лит, пога́нит, оцети́нит, заса́харит, зая́корит, заму́сорит*.

Новая акцентовка *осемену́т, обремену́т, окамену́т, матери́т, суети́тся* соответствует новому ударению производящего слова (*семе-*

на́, бре́мена́, ка́мнямъ, ма́терямъ, су́ета вместо древних *сѣмена, брѣмена, ка́менемъ, ма́теремъ, су́ета*);

Прочие случаи смены ударения: *поработи́т, обогати́т* (здесь она объясняется тем, что эти глаголы оказались втянуты в группу *отяго́тит, осрамоти́т, обнаго́тит*, с исконной а. п. с); *услугу́бит* (наряду с древним *услугу́бит*).

Обращаясь к старовеликорусским памятникам, мы видим, что указанные выше глаголы, перешедшие в модель РОДИ́ШЬ, встречаются с новой акцентовкой уже в XVI–XVII вв. (изредка даже раньше). Но кроме них, такое же ударение отмечается (хотя бы изредка), в основном в западной зоне, также у большого числа глаголов, у которых оно в дальнейшем не закрепилось. В частности, встречаются ударения: *оскла́бится, подоби́тся, озло́битъ, слави́тъ, стави́тъ, молви́тъ, оправди́тъ, принуди́тъ, прибли́житъ, мно́житъ, уни́зитъ, медли́тъ, мысли́тъ, исполни́тъ, узакони́тъ, расшири́тъ, усьфи́тъ, размѣри́тъ, рати́ться, вы́сится, чисти́тъ, унеѣсти́ться, насы́титъ, расхъти́тъ, вели́читъ, корчи́тъ, мучи́тъ, утѣши́тъ*; см. также § 10 об ударении *продолжи́тъ*.

Вторая (поздняя) переакцентовка: перевод переходных глаголов модели РОДИ́ШЬ в модель ПРО́СИШЬ

§ 6. Первые единичные (и не совсем надежные) примеры этой переакцентовки относятся к XIV в.; до середины XVI в. они еще довольно редки. Со второй половины XVI в. число таких примеров увеличивается, и этот рост продолжается и поныне (см. об этом ниже, § 14).

Переакцентовке подвергаются в первую очередь непроизводные переходные глаголы модели РОДИ́ШЬ, не имеющие книжной, возвышенной или архаической окраски. В значительно меньшей степени ей подвержены производные (отыменные) глаголы.

Вопрос о переходности как основном факторе данной переакцентовки требует некоторых уточнений.

У глаголов речи, указывающих на способ говорения (*говори́тъ, крича́тъ, ворча́тъ*), возможность переходного употребления (ср. современные *говорить речь, проговорить слово, кричать ура, проворчать что-то невнятное* и т. п.) переакцентовки не вызывает, т. е. такие глаголы трактуются как непереходные — в соответствии с основным типом своего употребления.

Глагол *глядѣти* ведет себя с точки зрения данного правила как непереходный (в полном согласии с указаниями словарей), а глагол

смотрѣти (поздний вариант — *смотрѣти*), допускающий оба типа управления, — как переходный.

Безличные глаголы, означающие внутренние ощущения (*его тошнитъ*, *его мутитъ*, *его знобитъ*), с точки зрения данного правила равносильны непереходным.

Особую проблему составляют случаи, когда в составе гнезда имеются как переходные, так и непереходные глаголы, например, *гоститъ* и *угоститъ*. В этих случаях возможны два результата: 1) в очень редких случаях — разное ударение, например: *ва́лит* ‘опрокидывает’ – *ва́лит* (дым, народ), *оки́слит* (наряду с *окисли́т*) – *кисли́т* ‘имеет кислотоватый вкус’, *мо́рщит* (лоб) – *мо́рщит* ‘лежит не гладко, с морщинками’, *го́рбит* (спину) – просторечн. *го́рбит* ‘работает до изнеможения’; 2) в подавляющем большинстве случаев — единое ударение для всего гнезда, определяемое свойствами большинства членов гнезда, например, *настои́т* (водку) — как *стои́т*, *устои́т*, *состои́т* и т. д.

Частным проявлением такого единства является то, что возвратные глаголы имеют такое же ударение, как соответствующие невозвратные; иначе говоря, непереходность, возникающая за счет добавления *-ся*, для настоящего правила не учитывается. Ударение возвратного глагола определяется ударением соответствующего невозвратного даже и там, где последний менее употребителен (как, например, в случае с глаголами *жéнится*, *сёрдится*, *бэсится*, *трудо́ится*).

Исключения: *сади́тся* (ср. *са́дит*), *ложи́тся* (ср. *поло́жит* и нелитерат. *ло́жит*)³.

Если невозвратного глагола нет, то при наличии «слабого» *-ся* (§ 11) у *i*-глаголов на *-и́ть*, *ѣ*-глаголов на *-ѣть*, *-а́ть* выступает модель РОДИШЬ (например, *суе́тится*, *бои́тся*, *змеи́тся*). В прочих случаях образцами служат другие глаголы того же гнезда (например, *останови́т* для *станови́тся*). Если таковых нет, то вопрос решается в словарном порядке.

§ 7. Для изучаемого вопроса существенно прежде всего то, что имеется большая группа переходных глаголов а. п. *б*, т. е. таких, где модель ПРОСИШЬ является исконной (приводим формы презенса — в современной орфографии, но с исконным ударением):

непроизводные — *ру́бит*, *лю́бит*, *да́вит*, *тра́вит*₁₋₂, *во́дит*, *во́зит*, *па́лит*, *мо́лит*, *ще́мит*, *ло́мит*, *то́мит*, *дра́знит* (древн. *-жн-*),

³ Не является подлинным исключением глагол с колеблющимся ударением *ку́рится* ‘испускает дымок, пар’ (ср. *ку́рит* [сигарету]): он одинаков по ударению с невозвратным *ку́рит* в том же значении, что *ку́рится* (см. БАС, 5: 1866).

го́нит, -ро́нит, хоро́нит, кúпит, лúпит, кúрит, мэсит, но́сит, брóсит, прóсит, укúсит (корень **kqs-*), *хвáтит, проглóтит, воро́тит, воло́чит, то́чит* ‘заостряет’; *смóтрит* (инфинитив первоначально *смотре́ти*);

отыменные (за вычетом книжных) — *ме́ртвит, -гне́дит, плóдит, се́рдит, сúдит, -тру́дит, хвáлит, ско́блит, бе́лит, се́лит, ни́лит, ко́рмит, же́нит, ка́знит, че́рнит, -сво́ит, -це́пит, -до́брит, о́стрит, -бы́стрит, кра́сит, бе́сит, моло́тит, че́ртит, кре́стит, мо́чит, -кльо́чит* (в ходе эволюции многие глаголы этой подгруппы подверглись — эпизодически или полностью — первой переакцентовке).

Они представляют собой ту базовую группу, которой уподобляются глаголы, переходящие из модели РОДИШЬ в модель ПРОСИШЬ.

Для сравнения приведем также непереходные глаголы а. п. *b*. Это глаголы движения *бро́дит, хо́дит, блúдит, стúпит, ско́чит* и несколько отыменных: *посóбит, тру́бит, слúжит, ту́жит* (от *туга́* ‘печаль’, ‘тоска’), также *све́тит* (с колебанием). Из прочих только *очúтится* (о глаголе *вопи́ти* см. § 11). Понятно, таким образом, что уже в древнерусском в составе а. п. *b* переходных глаголов было в несколько раз больше, чем непереходных.

На протяжении XVI–XX вв. от модели РОДИШЬ полностью перешли к модели ПРОСИШЬ (приводим глаголы уже с новым ударением):

непроизводные — *гу́бит, ло́вит, останóвит, я́вит, са́дит, це́дит, горóдит, бúдит, стúдит, поло́жит, ва́лит* (опрокидывает), *де́лит, изме́нит, кло́нит, ле́пит, ко́пит, то́пит₁₋₃, ва́рит, га́сит, ка́тит, ну́стит, кру́тит, ле́чит, учи́т, полу́чит, ду́шит, ту́шит*; также *е́-*глаголы *ве́ртит, де́ржит, те́рпит*; то же лишь как акцентный вариант: *опру́дит, присло́нит, гру́зит, ма́нит, до́ит, по́ит, затво́рит, мо́рит*;

отыменные — *застре́лит, це́нит, чи́нит* (ремонтирует), *ко́сит* (косой), *пла́тит, по-ру́чит, су́шит*; то же лишь как акцентный вариант: *окру́жит, со́лит, да́рит, ми́рит, со́рит, приторо́чит, стрóчит, кро́шит, глу́шит*.

Большое количество колебаний показывает, что для данной группы глаголов процесс переакцентовки еще не закончен — современный наблюдатель находится в некоторой средней точке хронологической протяженности данного процесса.

У глаголов *долби́ть, разлучи́ть, искриви́ть* встречаются варианты по модели ПРОСИШЬ, приводимые в Еськ. с пометой «неправильно». У глагола *крои́ть* встречается (в частности, у Маяковского и Платонова) форма *кро́ит*. У глагола *слепи́ть* ‘ослеплять’, по данным НКРЯ, начиная с 1910-х гг. встречается форма *слéнит*.

У нескольких глаголов из приведенных списков в сочетании с определенной приставкой в определенном значении (иногда с двумя-тремя приставками) в современном литературном языке сохраняется старое ударение. В основном это глаголы с книжной, возвышенной или архаичной стилистической окраской (см. § 3), в частности: *наса́дит* (культуру), *уде́лит*, *прекло́нит*, *учи́нит*, *вручи́т*, *погрузи́т* (в жидкость), *напои́т* (поля влагой), *одари́т*. Из стилистически нейтральных можно указать *случи́тся*, *оглуши́т*.

У ряда глаголов в XIV–XVII вв. отмечены единичные формы по модели ПРО́СИШЬ, которые, однако, в дальнейшем не закрепились. Таковы: *свободи́ти*, *прокази́ти*, *цѣли́ти*, *срами́ти*, *гнои́ти*, *скопи́ти* ‘оскоплять’, *позолоти́ти*, *расти́ти*, *тончи́ти*. Это значит, что в начальной точке процесса некоторое расшатывание ударения захватило очень значительную часть глаголов на *-и́ть*, и лишь позднее сформировались более жесткие рамки тех групп, в которых акцентный переход стал устойчивым (ср. § 11).

Если оставить в стороне, во-первых, глаголы книжного характера, во-вторых, отыменные, наконец, очень редкие или областные, то окажется, что переходных глаголов на *-и́ть*, устойчиво сохраняющих в литературном языке модель РОДИ́ШЬ, совсем немного. Таковы прежде всего четыре глагола, относящиеся даже без приставок к совершенному виду: *прости́ть*, *реши́ть*, *лиши́ть*, *роди́ть*. Важнейшие из остальных: *тай́ть* (в *притаи́ться* и др.), *тереби́ть*, *озноби́ть*, *зарази́ть*, *гнои́ть*, *кали́ть*, *сули́ть*, *щеми́ть* (в *прищеми́ть* и др.), *усыпи́ть*, *разори́ть*, *твори́ть* (в *притвори́ться* и др.), *кори́ть*, *жури́ть*, *расти́ть*.

§ 8. Все перечисленные выше глаголы — переходные. Всего несколько глаголов, испытавших переакцентовку в модель ПРО́СИШЬ, относятся к числу непереходных: *ку́тит*, *ле́нится*, *дру́жит* (наряду с *дружи́т*) и «не рекомендуемый» вариант *звони́т* (по телефону) к нормативному *звони́т*.

Что касается глаголов *тели́ться* и *очути́ться*, то это старая а. п. *b*. У глагола *ворожи́ть* (презенс *ворожи́т* и «неправильное» *воро́жит*) исходная акцентуация недостаточно ясна.

Ударение *звони́т*, которое чрезвычайно часто обсуждалось (и осуждалось) в дискуссиях о норме, вероятно, объясняется тем, что акцентуация здесь фактически реагирует не на формальную (т. е. синтаксическую) переходность, а на то, что можно назвать семантической переходностью, т. е. на такую особенность глагола, что он с необходимостью требует присутствия объекта, к которому применяется

действие глагола. *Звонить* (*позвонить*) кому с семантической точки зрения ничем не отличается, например, от английского *to call somebody*, или от французского *appeler quelqu'un*, или от новейшего разговорного *набрать кого*; во всех этих случаях представлена обычная переходность.

Не исключено, что этот фактор сыграл какую-то роль и в ударении *дру́жит*, поскольку для этого глагола тоже обязательно присутствие семантического объекта (*дружить с кем* или *между собой*).

Презенс *лénится* формально не нарушает общего правила (§ 6), так как есть глагол *облénить*, *облénит*. Но всё же сомнительно, чтобы этот крайне редкий глагол обеспечил сдвиг ударения в частом глаголе *лénиться*.

Так или иначе, необходимо признать наличие нескольких исключений. О возможной связи этих исключений с западными и юго-западными говорами и далее с белорусским и украинским см. ниже, в § 16.

§ 9. Роль переходности-непереходности для акцентуации особенно наглядно выступает при рассмотрении истории *ё*-глаголов. Все эти глаголы, кроме *вídѣти* и *вúсѣти*, относились в древнерусском языке к а. п. с. И почти все они непереходные; исключение составляют только *держáти*, *терпѣти* и (в одном из значений) *вертѣти*.

И вот что здесь дала переакцентовка: на месте *держíшь*, *терпíшь*, *вертíшь* появились новые презенсы *дёржшишь*, *тёрпшишь*, *вёртишь*, тогда как во всех остальных с полнейшей устойчивостью сохраняются древние *стоишь*, *лежишь*, *бѣжишь*, *кричишь*, *молчишь*, *свистишь*, *шелестишь* и т. д.

Правда, есть презенс *ды́ишишь*. Но обращение к историческому материалу немедленно показывает, что это ложное исключение. Мы имеем здесь дело с парой квазисинонимов типа *свистѣти*, *свистíшь* – *свистáти*, *сви́щешь*. Пар этого типа первоначально было намного больше: *блестѣти*, *блестíшь* – *блестáти*, *блѣщешь*; *гремѣти*, *гремíшь* – *гримáти*, *грѣмлешь*; *жадѣти*, *жадíшь* – *жадáти*, *жа́жешь*; *двѣжати́ся*, *двѣжи́шься* – *двѣгати́ся*, *двѣже́шься* и др. Со временем почти все эти пары так или иначе перестроились; точкой их совпадения и причиной смешения была форма 1 ед. (*свищу́*, *блещу́*, *гремлю́*, *двѣжусь* и т. д.). Особенно ярким примером является пара *хотѣти*, *хотíшь* – **хотáти* (?), *хóчешь*, преобразовавшаяся в современную смешанную парадигму *хотѣть*, *хóчешь*, *хóчет*, *хотím*, *хотíte*, *хотя́т*. Отчасти похожее объединение произошло и в принадлежащей к этой же группе паре *дышáти*, *дыши́шь* – *ды́хати*, *ды́шешь*: инфинитив *ды́хати* не сохранился (хотя сохранилось производ-

ное *дыхание*), а в функции презенса победило *ды́шешь*. Это *ды́шешь* не соответствовало инфинитиву *дыша́ти* и было «подогнано» под него чисто орфографической заменой безударного *e* на *и*. Но ударение, неподвластное орфографии, ясно свидетельствует об истории слова (ср. исторически правильное *дыши́тъ*, например, у Аввакума и далее у поэтов XVIII и XIX вв. вплоть до Некрасова [см. Еськова 2008: 373–374]). Наглядным подтверждением этой истории может служить также укр. *діхати*, *дішу*, *дішеш* (глагол *дыша́ти* здесь не сохранился).

Что касается презенса *смо́тришь*, то он принадлежит *i*-глаголу а. п. *b* *смотри́ти* (к тому же переходному), который лишь относительно поздно был заменен на *смотрѣти* под влиянием близких по значению *глядѣти* и *видѣти*.

§ 10. В истории нескольких переходных отыменных глаголов исконной а. п. *b* в результате суммарного действия первой и второй переакцентовок произошел «эволюционный зигзаг».

Так, у глаголов а. п. *b* *кресті́ти*, *черті́ти*, *сели́ти*, *пили́ти*, *-труді́ти*, *-ключі́ти* (от имен а. п. *b* *крестъ*, *черта́*, *пила́*, *село́*, *трудъ*, *ключь*) в силу первой переакцентовки исконные презенсы *крѣститъ*, *чѣртитъ*, *сѣлитъ*, *пи́литъ*, *-труді́тъ*, *-ключі́тъ* сменились на *кресті́тъ*, *черті́тъ*, *сели́тъ*, *пи́литъ*, *-труді́тъ*, *-ключі́тъ* (и в памятниках XIV–XVII вв. они выступают почти всегда именно в такой акцентровке). После этого в силу второй переакцентовки вновь вернулась модель ПРОСИШЬ: ныне это *крѣстит*, *чѣртит*, *сѣлит* (наряду с *сели́т*), *пи́лит*, *труді́т(ся)* и «не рекомендуемый» вариант *включит* (при нормативном *включі́т*).

Такой же зигзаг произошел у глагола *бѣли́ти* (от *бѣлыи*, а. п. *b*) в техническом значении ‘производить побелку’ (тогда как в общем значении ‘делать белым’ и в переносных значениях сохраняется результат первой переакцентовки: *забели́т*, *обели́т*, *убели́т*).

Глагол *вторі́ти* (*по-*) (от *вторыи*, а. п. *b*) после первой переакцентовки получил презенс *вторі́тъ*, *повторі́тъ*. С начала XX в. отмечается акцентный вариант *повто́рит* (при нормативном *повторі́т*), совпадающий с первоначальной акцентровкой; а глагол *вто́ритъ* претерпел обобщение ударения презенса.

Эволюционный зигзаг имел место также в истории глагола а. п. *a* *помѣстити*, *у-* (от *мѣсто*, а. п. *a*): современные литературные *разместі́т*, *воз-*, *с-*, *по-*, *у-* (и др.) отражают первую переакцентовку, а разговорные варианты *помѣстит*, *у-*, *раз-* (приводимые в Еськ. с пометами «и допустимо» и «не рекомендуется») отражают уже вторую, противоположную переакцентовку.

Глагол **продължити* (от прилагательного а. п. *а дългыи*) очень рано подвергся такой же смене ударения, как *умáлити*, *умíлити* и т. п. (§ 5), и в текстах XVI–XIX вв. вплоть до словаря Даля регулярно выступает с ударением *продолж́ити*, *-и́шь*. Ударение *продължити* зафиксировано в НКРЯ лишь с начала XX в., причем оно практически сразу же становится единственно возможным. Оно совпадает с первоначальным ударением этого слова, но, как и в прочих подобных случаях, здесь трудно предполагать преемственную связь; более вероятен эволюционный зигзаг.

Глагол *удити*, *удишь* (от древнего *уда*) получил свое нынешнее ударение *удítь*, *удишь*, вероятно, через стадию *удítь*, *удíшь* (возникшую под влиянием нового ударения *уда́*) с последующей поздней переакцентовкой; т. е. его презенс *удишь* совершил эволюционный зигзаг, подобный описанным выше. В результате он, как и презенс *пи́лишь*, вошел в группу производных от названий орудий и инструментов (см. § 13).

Особый случай составляет непроемный глагол а. п. *в курíти*: в памятниках в XVI–XVII вв. у него отмечен только исконный презенс *ку́ритъ*, а в XVIII в. — уже только новый презенс *ку́рит*, который доживает до начала XX в., и *ку́рится*, актуальный донныне; начиная с Языкова (1820-е гг.) вновь появляется *ку́рит*, в дальнейшем победившее (см. также выше сноску 3). Учитывая, что данные по XVIII в. довольно бедны, можно предполагать, что в данном случае эволюционного зигзага всё же не было, т. е. презенс *ку́рит* никогда полностью не сходил со сцены.

Связь непереходности с моделью РОДИ́ШЬ

§ 11. Когда в языке начинается серия сдвигов по аналогии от модели (любого рода) А к модели В, для слов, находящихся в состоянии перехода, какое-то время возможны обе модели. Тем самым противопоставление моделей А и В становится несколько менее жестким, слегка расшатывается. И в такой ситуации в зону колебаний часто оказываются втянуты также и отдельные слова исконной модели В. А в дальнейшем в процессе устранения колебаний за какими-то из них может закрепиться модель А, т. е. окажется, что они фактически испытали переход, противоположный основному.

Такая схема лежит в основе большинства случаев, когда некоторое старое распределение в ходе эволюции сменяется новым, основанным на новом принципе. Именно наличие обширной зоны колебаний позволяет новому принципу победить, поскольку изменение получает характер не прямой смены одного вида слова на другой, а

всего лишь предпочтения к одному из двух уже существующих вариантов, что, разумеется, много проще.

Ситуация этого рода возникла и в ходе второй переакцентовки: у целого ряда исконных глаголов а. п. *b* в памятниках и/или в говорах обнаруживаются акцентные колебания, в частности: *тру́бит*, *да́вит*, *тра́вит*, *хо́дит*, *рассе́рдится*, *па́лит*, *мо́лит*, *ку́пит*, *смо́трит*, *ку́рит*, *све́тит*, *моло́тит*.

Картина множественных акцентных колебаний постепенно стала меняться в сторону распределения по новым основаниям. Вторая переакцентовка состояла в смене модели РОДИ́ШЬ на модели ПРО́СИШЬ у переходных глаголов; а ее «оборотной стороной» стало формирование относительно устойчивой связи между непереходностью и моделью РОДИ́ШЬ. Несколько непереходных глаголов даже изменили свое прежнее ударение на модель РОДИ́ШЬ. Многие другие просто более прочно закрепили за собой эту модель, уже имевшуюся у них изначально или полученную в результате первой переакцентовки, закрыв для себя возможность окказиональной экспансии модели ПРО́СИШЬ. Наконец, ряд новообразованных непереходных глаголов сразу же получил устойчивую модель РОДИ́ШЬ, независимо от того, как акцентуировано производящее слово.

Рассмотрим значения важнейших групп непереходных глаголов (в число примеров включены как старые, так и недавно вошедшие в язык глаголы).

Положение или движение в пространстве: *стои́т*, *лежи́т*, *лети́т*, *бежи́т*, *рыси́т*, *колеси́т* и т. д. И вот глаголы а. п. *a* *ви́сѣти* и *па́рити* 'держаться в воздухе' получили новую акцентовку *висе́ть*, *-и́т*, *пари́ть*, *-и́т*.

Издавание звука: *кричи́т*, *рычи́т*, *голоси́т*, *баси́т*, *труби́т*, *ду́дит*, *бренчи́т* и т. д. В этот ряд включился глагол *вопи́ти*, *вопе́ть* (а. п. *b*), который принадлежал к морфологическому типу *бити*, *бьетъ*, т. е. не был *i*-глаголом, но со временем уподобился *i*-глаголам и получил новый презенс *вопит* (в части говоров он даже уподобился далее *ѣ*-глаголам, т. е. его инфинитив получил вид *вопѣть*). А в дальнейшем его презенс в соответствии с характером его значения получил новое ударение *вопи́т*.

Поведение (речевое или иное), обычно с неодобрительной оценкой: *бубни́т*, *грозит́*, *язви́т*, *хамит́*, *хохмит́*, *ханжи́т*, *лиси́т*, *подкузьми́т*, *хитри́т*, *мудри́т*, *глупи́т*, новое жаргонное *тупи́т* 'ничего не понимает'; *юли́т*, *финти́т*, *форси́т*, *бузи́т*, *чуди́т* (в отличие от *ему́ чу́дится*), *блуди́т* 'распутничает' (в отличие от *заблуди́тся*).

Отрицательное душевное состояние: *грусти́т*, *хандри́т*.

Нежелательная особенность (у неодушевленных предметов): *шерстит*, *мори́тит* (в отличие от *мо́ричит лоб*), *кисли́т* (в отличие от *оки́слит*); *искри́т*, *сбои́т*, *дыми́т*, *чади́т*, *барахли́т*.

Исполнение функции (профессии): *гости́т*, *ца́рит*, *шофери́т*. (Ударение *слу́жит* уже не может расцениваться как прямое исключение, поскольку значение слова стало несравненно шире, чем 'быть слугой'.)

Природные явления (безличные глаголы): *шторми́т*, *пуржи́т*, *дожди́т*, *мороси́т*.

Особую категорию образуют глаголы, содержащие то, что можно назвать «слабым» *-ся*, т. е. такое *-ся*, без которого глагол должен был бы значить (почти) то же самое. Соответствующего невозвратного глагола обычно просто нет, а если он есть, то действительно значит практически то же (как *беле́т* и *беле́ется*, *искри́т* и *искри́т-ся* и т. п.). Основные значения:

Неодобряемое поведение (то же значение, что у *бубни́т* и т. д.): *суети́тся*, *мелочи́тся*, *петуши́тся*.

Отрицательное душевное состояние (то же значение, что у *грусти́т* и т. д.): *бои́тся*.

Состояние неодушевленного предмета (значение, близкое к тому, что у *шерсти́т* и т. д.): *слези́тся*, *колоси́тся*, *сочи́тся*, *пузыри́тся*.

Принятие формы X-а: *толпи́тся*, *рои́тся*, *табуни́тся*, *бугри́тся*, *холми́тся*, *змеи́тся*.

Принесение приплода: *ожереби́тся*, *окоти́тся*, *оцени́тся*, *объягни́тся*.

Во всех перечисленных семантических группах у глаголов на *-и́ть* устойчиво представлена модель РОДИ́ШЬ, и в нее автоматически включаются также и все новообразуемые глаголы с такими значениями.

Особые случаи. Глаголы исконной а. п. *б пали́ть* и *кури́ть* (*кури́ться*), у которых рано появились отклонения в сторону а. п. с (см. выше), могли выступать и как переходные (*палить солому*, *курить сигарету*), и как непереходные (*солнце палит*, *пушки палят*, *он не курит* и *не пьет*). И вот из двух вариантов в литературном языке закрепился презенс *палит* (вероятно, отчасти под влиянием родственного *полѣти* 'гореть, пылать', *поли́т*, см. Зализняк 1981, § 52, замеч.). О конкуренции презенсов *ку́рит* и *курит* см. § 10.

Обобщение ударения презенса

§ 12. В ряде случаев у глаголов, акцентуированных — исконно или в силу второй переакцентовки — по модели ПРÓСИШЬ, наосновное ударение презенса (кроме 1 ед.) переносилось и на другие словоформы — в слабом варианте только на 1 ед. презенса, в сильном — на все вообще словоформы глагола.

Примером обобщения ударения презенса в слабом варианте могут служить современные литературные *колебáть* и *кольхáть*: их презенс ныне *колеблѹ*, *колеблѣшь* и *кольишу*, *кольишешь* (вместо исконных *колеблѹ*, *колеблѣшь* и *кольишѹ*, *кольишѣшь*).

Этот тип ударения получил распространение в некоторых современных говорах (а именно, мешчерских и северо-западных района Нарвы [см. Рус. диал.: 159]), например, в деулинском говоре, где регулярны ударения 1 ед. типа *вѹдѹ*, *любѹ*, *плѹтѹ*, *полѹжу*, *намѹтѹ* и т. п. (см. Деул. слов.).

Примером обобщения ударения презенса в сильном варианте может служить глагол *удѹбрить* (от *добрѹ*, а. п. *b*). Исходным здесь было *удобрѹти*, *удобрѹ*, *удѹбришь*. Обобщение ударения презенса дает на первом шагу *удобрѹти*, *удѹбрѹ*, *удѹбришь*, на втором — современное *удѹбрить*, *удѹбрѹ*, *удѹбришь*.

Примечание. К данному явлению не имеют отношения такие глаголы, как *окровáвить*, *образѹмить*, *назеркáлить*, *пропесѹчить*, *онемѣчить*, *отурѣчить*: это правильные производные от поздних форм *кровоáвый*, *разѹмный*, *зеркáльный*, *песѹчный*, *немѣцкий*, *турѣцкий*; также *приголѹбить*, которое, вероятно, произведено от *голѹбка*, а не непосредственно от *гѹлѹбь*.

Обобщение ударения презенса было почти регулярным в производных от неодносложных существительных а. п. *b* мужского рода (см. выше, § 4, п. 2). Оно произошло также в ряде глаголов, производных от других имен а. п. *b*: *-дѹбрить*, *-щѹдрить*, *-рѹзнить*, *затѣплить*, *тѣплиться* (в отличие от *утѣплить*), также вариант *облѣгчить* («неправильно» по Еськ.); *крáсить*, *чѹслить*, *кѹнчить*, *бáгрить* (тащить багром), *гѹрбить* (спину). В памятниках отмечены единичные примеры новых ударений *умѹдрить*, *хѹтрить*, *облѣчить*, которые в дальнейшем не закрепились.

У производных от имен а. п. *b* обобщение ударения презенса было, таким образом, альтернативным вариантом к первой переакцентовке. Например, исходное *теплѹти*, *теплѹ*, *тѣплишь* могло выравниваться либо в сторону *теплѹти*, *теплѹ*, *теплѹшь* (обычный путь), либо в сторону *тѣплѹти*, *тѣплѹ*, *тѣплишь* (в единичных случаях); *ухитрѹться* реализует первую возможность, *расщѹдриться* — вторую.

В производных от а. п. с обобщение ударения презенса, по-видимому, стало возможно лишь после второй переакцентовки.

В глаголах *клéить*, *удвóить*, *утрóить* такому эффекту способствовала тенденция к переходу *е́й*, *о́й* в *éи*, *óи* (Зализняк 1985, § 3.2, замеч.).

Прочие случаи единичны: *ускóрить*, *поту́пить* (в отличие от *притупи́ть*), *знáчить*, *кня́жить*, *приспóбить*, *укоко́шить*. В памятниках отмечены единичные примеры новых ударений *засóрить*, *умя́жить*, которые в дальнейшем не закрепились.

Конфликт моделей *осмо́лит* и *застрэ́лит*

§ 13. Из характера двух рассмотренных выше переакцентовок понятно, что имеется зона, где их результаты противоречат друг другу, — это переходные отыменные глаголы.

Если бы речь шла о собственно фонетических изменениях, то при подобном конфликте результатом были бы, разумеется, эффекты позднего процесса. Но перед нами процессы иного, а именно, аналогического характера, и здесь конечные результаты формируются более сложным образом.

Первая (ранняя) переакцентовка создала такую ситуацию, когда почти все отыменные глаголы на *-íti* следовали модели РОДИ́ШЬ. Для языка XVI–XVII веков это соотношение стало статистической нормой. И эта норма оказалась препятствием на пути распространения второй (поздней) переакцентовки, т. е. тенденции переводить переходные глаголы из модели РОДИ́ШЬ в модель ПРО́СИШЬ. Соответственно, вторая переакцентовка беспрепятственно осуществлялась в сфере производных глаголов, но в сфере отыменных глаголов была сильно заторможена.

Существенную роль здесь играла степень прочности смысловой связи производного глагола с исходным именем. Там, где эта связь была затемнена (*застрѣ́лити*, *посел́ити*, *поруч́ити*, *включ́ити*) или ослаблена (*черт́ити*, *крест́ити*, *цѣ́нити*, *прицѣ́нити*, *строч́ити*), т. е. глагол с семантической точки зрения несколько приближался к производным, вероятность осуществления второй переакцентовки возрастала (ср. современные *застрэ́лит*, *посе́лит*, *пору́чит*, *чѣ́ртит*, *крѣ́стит*, *прицѣ́нит*, *стрóч́ит*, просторечн. *включ́ит*). Сходный эффект возможен также в тех случаях, когда для современного языкового сознания уже неочевидно, произведен ли глагол от имени или наоборот (ср. *ми́рит*, *да́рит*, *пла́тит*, *тру́дится*).

Между тем в группе с устойчивой моделью РОДИ́ШЬ безусловное большинство глаголов связано с производящим словом вполне про-

значной смысловой связью, например, *живѣит*, *чернѣит*, *осмолѣит*, *застеклѣит* и т. п.

В нескольких случаях второй переакцентовке способствовали те или иные частные обстоятельства. Так, ударение *сѹшѣит*, вероятно, хотя бы отчасти обусловлено влиянием антонима *мѹчит* (где а. п. *b* исконна).

Особая ситуация сложилась в семантической группе отсубстантивных глаголов, означающих «работая инструментом X, делать то, для чего предназначен X». В этой маленькой группе оказались глаголы разных а. п., но они акцентно сблизились между собой, и нормой здесь стала модель ПРОСИШЬ. Сюда вошли: *пѣлит*, *кѹсит*, *ѹдит*, *зацѣпит* (*при-*), *молѹтит* (со сдвигом значения), далее *скѹблит*, *привѣнтит* (наряду с *скоблѣит*, *привинтѣит*), «не рекомендуемое» *свѣрлит* и «неправильные» *бѹрит*, *заклѹчит* (*в-*, *от-*) (при нормативных *сверлѣит*, *бурѣит*, *заклѹчѣит*). Таким образом, эта семантическая группа вышла из сферы действия общего правила, требующего для отыменных глаголов ударения по модели РОДИШЬ.

В итоге в современном русском языке из отыменных глаголов на *-ѣть* несколько более двух десятков гнезд следуют (с разной степенью нормативности) модели ПРОСИШЬ и около двух сотен гнезд — модели РОДИШЬ. Иначе говоря, в этой группе глаголов в основном сохраняются результаты первой переакцентовки, тогда как вторая переакцентовка охватила пока еще довольно небольшую часть лексического материала, на котором она могла бы реализоваться.

Что эта возможность в принципе существовала, в особенности ясно из сравнения с белорусским и украинским, где она оказалась реализована гораздо полнее, чем в русском; см. об этом ниже, § 16.

Хронология второй переакцентовки

§ 14. Самые ранние примеры, которые, вероятно, уже отражают вторую переакцентовку, — это *свобѹженъ* (ударение на *бѹ*) в Мер. и *прокаже*¹¹ в Чуд. (оба XIV в.). Далее это *да поуститъ* в Флав. (1470-е гг.), *цѣлать* ‘исцеляют’ в Нил. (1490-е гг.), *ѡпоуститъ*¹², *сѹлитса*, *да осѹлитса*, *огѹрчено* в Сенн. (1500 г.); вероятно, также *поклѹнатса* в Т.пс. (1480-е гг.). Пытаться указать самые поздние примеры бессмысленно: процесс далеко не закончен еще и ныне.

Ниже приводится таблица, показывающая для основных глаголов, испытавших вторую переакцентовку, приблизительный хронологический интервал, на протяжении которого старая модель РОДИШЬ и новая модель ПРОСИШЬ сосуществуют (т. е. интервал между самой ранней ныне известной фиксацией модели ПРОСИШЬ и самой позд-

ней фиксацией модели РОДИШЬ). Этот интервал символизируется цепочкой черных кружков.

Это значит, что во всех случаях появления глагола в тексте в хронологическом отрезке левее черной цепочки он имеет ударение по модели РОДИШЬ, а правее черной цепочки — ударение по модели ПРОСИШЬ.

Глаголы, у которых единичные примеры переакцентовки впоследствии не закрепились (например, *свободи́ти*, *цѣлѣ́ти*, *огорчи́ти*), в таблицу не включены.

В последнем столбце таблицы факультативно указывается автор, у которого отмечены самые поздние примеры по модели РОДИШЬ. Для глаголов, всё еще допускающих обе модели, может быть приведено соответствующее нормативное указание из Еськ. Если сведения о варианте по модели ПРОСИШЬ взяты только из НКРЯ (а в Еськ. их нет), то дается помета «по НКРЯ».

Разумеется, как ввиду неполноты имеющегося материала, так и потому, что факты устной речи вообще неполно отражаются письменностью, никоим образом нельзя относиться к показанным в таблице интервалам как к хронологически точным сведениям о состоянии живой речи. Реальное бытование соответствующих форм в языке почти наверное начиналось несколько раньше и кончалось несколько позднее этих интервалов. Но нет сомнения также и в том, что общий характер постепенных сдвигов этих интервалов на шкале времени действительно отражает общий ход и ритм процесса.

Условные знаки:

⊕ — в составе гнезда имеется один или несколько приставочных глаголов, сохраняющих модель РОДИШЬ в силу своего книжного характера.

→ — процесс вытеснения модели РОДИШЬ моделью ПРОСИШЬ продолжается, т. е. обе модели еще сосуществуют (наравне или с тем или иным предпочтением).

* — при имени автора: есть 1–2 примера и в более позднее время; после цепочки черных кружков: знак ставится в хронологической точке, где отмечены эти 1–2 примера.

Хронология переходов из модели РОДИТЬ в модель ПРОСИТЬ¹

	1500	1600	1700	1800	1900	2000	Конец модели РОДИТЬ
<i>Гласолы, полностью перешедшие в модель ПРОСИТЬ</i>							
-ложити	•••••	•••••••					
топѣти (в воде)	•••••	•••••••					
получити	•	•••••••					Авакум
пустити	•••	•••••••••					
держати	•••••	•••••••••					
терѣти	••••	•••••••••					
топѣти (воск)		•••••••••					
ловити		•••••					Ломоносов
тушити		•••••••••					
учити	••••••	•••••••••		*			Державин*
платити		•••		•••			Дельвиг
цѣнити		•••••••		••••			Лермонтов
садити	••••	•••••••••		••••••	*	⊕	Ершов*
гасити	•••	•••••••••		••••••	*		Барков*
дѣлѣти	•	•••••••••		••••••		⊕	
вергѣти		•••••••••		••••••			Некрасов
копити				••	*		Никитин*
тащити				•	*		Некрасов*
замѣнити	•	•••••••••		•••••••••	*		А. К. Толстой*

¹ {Не дать ли в таблице *сѣлѣти* 15 века и т. п. точками (звездочками) = «первые проблемски»?}

	1500	1600	1700	1800	1900	2000	Конец модели родильш
чинѣти (геаг)	•	••••••••	••••••••	••••••••	••••••••		
катѣти			•••	••••••••	••••••••		Надсон
клопѣти	••	••••••••	••••••••	••••••••	••	*	Бурлюк*
сушѣти	••••••	••••••••	••••••••	••••••••	••	⊕	С. Соловьев
явѣти(ся)	•••••	••••••••	••••••••	••••••••	••		Кузмин
будѣти		••••••	••••••••	••••••••	••		Клюев
косѣти (траву)			•••	••••••••	•••		Цветаева
крестѣти (< b)				••••••••	•••		Полонская
становѣти(ся)				••••••••	•••	*	
черпѣти (< b)				••••••••	••• *		Набоков
крутѣти				••••••	•••		Набоков
пилѣти (< b)				••••••	•••		Белый
трудѣтися				••••••	••• *		Заболоцкий
валѣти (набок)			••••••••	••••••••	••••••		
поручѣти				••••••••	••••		Б. Лившиц
цѣдѣти				••••••••	••••••		Шаламов
варѣти				••••••••	••••••		Твардовский
студѣти				•	••••••••		Антокольский
<i>Глаголы, еще находящиеся в процессе перехода в модель просишь</i>							
солѣти	••••••••	••••••••	••••••••	••••••••	••••••••	↑	«доп.устар. -лит»
затворѣти	••••••••	••••••••	••••••••	••••••••	••••••••	↑	
крѣпѣти	••••	••••••••	••••••••	••••••••	••••••••	↑	«неправ. крѣпит»

	1500	1600	1700	1800	1900	2000	Конец модели родишь
-слоніти(ся)		●●●●●●●●	●●●●●●●●	●●●●●●●●	●●●●●●●●	↑	
миріти		●●●●●●●●	●●●●●●●●	●●●●●●●●	●●●●●●●●	↑	
долбіти		●●●●●●●●	●●●●●●●●	●●●●●●●●	●●●●●●●●	↑	«неправ. долбит»
селіти (< b)		●●●●●●	●●●●●●●●	●●●●●●●●	●●●●●●●●	↑	
окружіти		●●●	●●●●●●●●	●●●●●●●●	●●●●●●●●	↑	
засоріти		●	●●●●●●●●	●●●●●●●●	●●●●●●●●	↑	«не рек. засорит»
крошіти			●●●●●●●●	●●●●●●●●	●●●●●●●●	↑	
маніти			●●●●	●●●●●●●●	●●●●●●●●	↑	
поіти				●●●●●●	●●●●●●●●	↑	
моріти				●●●●●●	●●●●●●●●	↑	«не рек. морит»
даріти				●●●●●●	●●●●●●●●	↑	
мутіти					●●●●●●●●	↑	
глушіти					●●●●●●●●	↑	«не рек. глушит»
-м'єстіти (< a)					●●●●●●●●	↑	
дойти					●●●●●●●●	↑	
строчіти					●●●●●●●●	↑	
сльвіти					●●●●●●●●	↑	по НКРЯ
кроїти					●●●●●●●●	↑	по НКРЯ
дружіти					●●●●●●●●	↑	«дол.устар. -жит»
грузіти					●●●●●●●●	↑	«дол.устар. -зит»
звоніти					●●●●●●●●	↑	«не рек. звонит»

§ 15. Добавим к таблице, что из-за неполноты материала для нескольких глаголов удовлетворительно фиксируется конец использования модели РОДИШЬ, но нет надежных сведений о времени начала модели ПРОСИШЬ. Таковы:

- лѣчѣти* — *лѣчѣт* до Третьяковского;
- душѣти* — *душѣт* до Милонова (1810-е гг.);
- лѣнѣтися* — *лѣнѣтся* до Некрасова;
- кутѣти* — *кутѣт* до Штейнберга (1934).

У глагола *зубѣти* презенс *зубѣт* встречается до Батюшкова (1806), при единичном примере в XX в.; но момент появления модели ПРОСИШЬ здесь неясен, поскольку в XIV–XVI вв. у этого глагола встречаются также формы а. п. а.

Необходимо подчеркнуть, что таблица отражает ситуацию в памятниках (в XVI–XVII вв.) и в дальнейшем в литературном языке. В современных говорах формы по модели РОДИШЬ встречаются, хотя бы изредка и хотя бы лишь как акцентные варианты, у значительной части глаголов, в литературном языке эту модель уже утративших. Таковы: *валѣть* (набок), *варѣть*, *верѣть*, *катѣть*, *копѣть*, *косѣть* (траву), *лечѣть*, *ловѣть*, *положѣть*, *пилѣть*, *платѣть*, *садѣть*, *становѣть(ся)*, *сушѣть*, *тацѣть*, *явѣть(ся)* (см. Рус. диал.: 157–158; Образ.: 119). Это значит, что в говорах переакцентовка могла протекать в другом ритме (причем в разных говорах различным).

Таблица может служить наглядной иллюстрацией того, как вообще протекает большое нефонетическое изменение. Видно, что оно постепенно охватывает одно слово за другим, одну небольшую группу за другой и может длиться полтысячелетия и больше. И в данном случае оно еще далеко не окончено.

При этом, как можно видеть из таблицы, интенсивность втягивания в данный процесс всё новых глаголов примерно одинакова во все века с XVI по XX (небольшое ослабление в XVIII в. явно следует связывать просто с тем фактом, что по этому веку мы располагали меньшим объемом материала). Это значит, в частности, что в настоящий момент данный процесс сохраняет примерно такую же степень активности, как в XVI–XVII веках.

Сравнение с белорусским и украинским

§ 16. Для нашего разбора оказывается полезным также сравнение, хотя бы в общих чертах, выявленной картины с положением в белорусском и украинском.

В этих двух языках имели место те же главные переакцентовки, что и в русском (хотя и с некоторыми отличиями в деталях правил).

Но при этом вторая переакцентовка реализована гораздо последовательнее, чем в русском.

Единственная группа, где русский язык более продвинут по пути второй переакцентовки, — *ё*-глаголы (здесь и далее приводим формы презенса): ср. блр. *дзяржы́ш* (укр. *дёржы́ш*), блр. *цяры́ш* (укр. *тёрны́ш*), укр. *верты́ш*.

Все остальные случаи расхождения с русским языком состоят в том, что в белорусском и/или украинском выступает модель ПРО́СИШЬ вместо представленной в русском языке модели РОДИ́ШЬ.

Ниже знак ⁺ означает: во втором из двух языков (укр. или блр.) в соответствующем слове ударение такое же. Отсутствие при примере упоминания второго из двух языков означает, что соответствующего слова нет (точнее, оно отсутствует в словарях). Глаголы, которым нет соответствия ни в украинском, ни в белорусском, в списках просто пропущены.

Так, в соответствии с приведенной в § 7 группой глаголов типа *простить* находим: а) совпадение — укр. *проты́ш*, *рышы́ш*, *лышы́ш*, *ознобы́ш*, *усыты́ш*⁺; б) расхождение — укр. *роды́ш*⁺, *творы́ш*⁺, *журны́ш(ся)*⁺; блр. *прыто́йшся*, *цярэ́быш*, *прышчэ́мыш*, *гно́ыш*, *ко́рыш*, *ро́цыш* (но укр. *прята́йшся*, *тере́быш*, *прыщэ́мыш*, *гно́ыш*, *ко́рыш*, *ро́тыш*). Таким образом, эту группу глаголов белорусский язык почти полностью перевел в модель ПРО́СИШЬ, тогда как в украинском здесь положение в значительной мере сходно с русским.

Отметим также некоторые представляющие интерес слова, которые по разным причинам не вошли в указанный список: укр. *кады́ш*, *заразы́ш* (но блр. *кады́ш*, *заразы́ш*), укр. *крушы́ш*, *дрочы́ш*, *говоры́ш*⁺, *оголобы́ш*⁺; из глаголов, в прошлом перешедших в модель РОДИ́ШЬ из а. п. *b*, — укр. *томы́ш(ся)*⁺, *палы́ш*⁺, *трубы́ш*⁺.

Глаголам, у которых в современном русском языке ударение презенса колеблется, в белорусском и украинском соответствует полностью реализованная модель ПРО́СИШЬ (приводим в том же порядке, что в таблице): укр. *со́лыш*⁺, блр. *скрэ́ныш*, *крэ́нышся* (но укр. *кры́ныш*), укр. *засло́ныш*, *мыры́ш*⁺, *сели́ш*⁺, *кру́жыш*⁺, блр. *засо́рыш*, укр. *кры́шыш*⁺, *маны́ш*⁺, *по́йш*⁺, *мо́рыш*⁺, блр. *до́рыш*, укр. *му́тыш*⁺, *глу́шыш*⁺, *до́йш*⁺, *стро́чыш*⁺, *слы́ш*⁺, *кρόйш* (инф. *кρόйты*)⁺, *гру́зыш*⁺, *дру́жыш*⁺, блр. *зво́ныш*.

В отличие от русского языка, в украинском и в еще более сильной степени в белорусском модель ПРО́СИШЬ распространилась на множество отыменных глаголов. Иначе говоря, в этих языках процесс второй переакцентовки уже фактически победил в конкуренции с фактором отыменности. Мы находим здесь, в частности: укр. *дробы́ш*⁺, *дубы́ш*⁺, *дывы́шся*⁺, *ожывы́ш*⁺, *крывы́ш*⁺, *омолоды́ш*⁺, *плоды́ш*⁺, *ого́лыш*⁺,

*осмо́лиши⁺, осві́тлиши⁺, приту́лиши⁺, заті́ниши⁺, поло́ниши, за⁺, окро́пиши⁺, оду́риши⁺, оро́сиши⁺, розцві́тиши, позоло́тиши⁺, угóсти́иши, замо́стиши⁺, вру́чиши, об⁺, вклю́чиши⁺, помі́стиши⁺, розсмі́ишиши⁺, порóбишиши; укр. слі́диши, грóбиши, освя́тиши (но блр. *слядзі́и, грамі́и, асвяці́и*); блр. грóзиши, гне́здзі́ишыся, салóдзі́и, ахалóдзі́и, акру́глиши, аце́плиши, барóзніиши ‘бороздишь’, паўто́рыши, бу́рыши, асіро́ціиши, ко́тціиши, бу́ціиши, падсо́чыиши (но в укр. в этой группе ударение как в русском); блр. инфинитивы *пасо́біць, прытаро́чыць, крэ́ніць, -цца, апрэ́сніць, прыстра́шыць* (в укр. инф. -іти, презенсы *посо́биши, під-, приторо́чиши, крені́иши, опрі́сніиши, пристра́ишиши*).*

Кроме того, в белорусском и украинском модель ПРОСИШЬ захватила также некоторую часть непереходных глаголов, в частности: укр. *говóриши⁺, голóсиши⁺, тру́биши⁺, гóдиши, слі́диши* (но блр. *слядзі́и*), блр. *го́сціиши* (но укр. *гості́иши*); укр. *діві́ишися⁺, похмелі́ишися⁺, око́тишися⁺*, блр. *ашчэ́ніишыся* (но укр. *оцені́ишыся*), *гне́здзі́ишыся* (но укр. *гні́дзі́ишыся*); с обобщением ударения презенса — укр. *ску́лиши* (инф. *ску́лити⁺*), *то́впнеться* (инф. *то́впнитися⁺*). Это значит, что интенсивность процесса второй переакцентовки здесь столь велика, что имеется тенденция распространить этот процесс на все вообще глаголы на -іть, т.е. как непроизводные, так и отыменные и как переходные, так и непереходные.

Особый интерес в этом отношении представляют для нас блр. *дру́жыиши⁺, збо́ниши, варо́жыиши⁺*, укр. *лі́нииши*: такие же ударения имеются, хотя бы в качестве вариантов, и в русском, но в русском это отклонения от нормы (см. § 8). Есть все основания предполагать, что эти отклоняющиеся ударения вошли в состав общерусского узуса из западных и юго-западных говоров, имеющих, как известно, немало особенностей, в том числе акцентных, общих с белорусским и/или украинским.

Из приведенных списков ясно видно, что украинский и в особенности белорусский сильно обогнали русский язык в распространении нового ударения глаголов.

Этот факт хорошо соответствует известному положению русской диалектологии о том, что смена ударений типа *дарі́т* → *да́рит* распространялась на русской территории с юго-запада на северо-восток (см. Образ.: 118–123 и карта 34).

Таким образом, для восточнославянской зоны в целом верно, что данная инновация зародилась на юго-западе и постоянно распространялась в северо-восточном направлении.

Обиходный язык центра, а вслед за ним и литературный язык, с ходом десятилетий включает всё больше новых презенсов по модели

ПРОСИШЬ. «Не рекомендуемые» формы *звóнит*, *вкля́чит*, *свёрлит*, *сóрит*, *глу́шит*, «неправильные» *бу́рит*, *крéпит*, *одо́лжит*, *крóит*, *слéпит* и т. п., еще сравнительно недавно многим носителям языка вообще неизвестные или воспринимавшиеся ими как отчетливо просторечные, ныне звучат в разговорной речи всё чаще, и этот список пополняется.

Но, как можно видеть из приведенных выше списков, в белорусском языке все эти ударения уже стали литературной нормой; в значительной степени это верно и для украинского. Эти списки можно расценивать тем самым как вектор дальнейшего развития русского языка в данном пункте. Можно предполагать, в частности, что все названные «не рекомендуемые» и «неправильные» формы через какое-то время одна за другой станут самыми обычными и появится ряд других, совпадающих по ударению с нынешними белорусскими и украинскими.

О механизме возникновения и протекания второй переракцентровки

§ 17. Что касается механизма возникновения и протекания второй переракцентровки, то основные предположения о нем нами были высказаны в работах Зализняк 1981 (с. 164–165) и Зализняк 1985 (с. 342–345). Ниже они излагаются в несколько уточненном и расширенном виде.

Все исследователи согласны (пусть при некоторых различиях в формулировках) в том, что смена модели РОДИШЬ на модель ПРОСИШЬ у *i*-глаголов представляет собой уподобление уже имеющейся в системе группе глаголов типа *носíти*, *ношú*, *но́сишь*.

В этом вопросе существенны определенные количественные данные. В древнерусском языке в разных морфологических классах глаголов три акцентные парадигмы были представлены в неодинаковых пропорциях. Для нашей проблематики «относительный вес» акцентной парадигмы *a* большого значения не имеет, существенно только соотношение а. п. *b* и *c*. У *i*-глаголов по данным ДРУ это соотношение таково: а. п. *b* — около 90 гнезд (не считая колебаний и неясных случаев), а. п. *c* — около 230 гнезд.

Для сравнения укажем, что в классе *ě*-глаголов к а. п. *c* относится около 40 гнезд (не считая около двух десятков более редких, которые в ДРУ не вошли), тогда как чистых случаев принадлежности к а. п. *b* нет вообще, есть только один ненадежный случай и один случай колебания (не считая позднего *смотрѣти*, сменившего исконное *смотрѣти*).

В классе С-корневых (т. е. глаголов типа *веду́, ведёшь, пеку́, печёшь*) презенс по а. п. *с* имеют более 40 гнезд, тогда как чистый случай презенса по а. п. *б* всего один: *могу́, можешь*.

С учетом этих соотношений уже не вызывает удивления тот факт, что в системе презенса в классе *i*-глаголов вторая переакцентовка (т. е. уподобление глагола а. п. *с* глаголам а. п. *б*) затронула, в большей или меньшей степени, около 70 гнезд, тогда как в классе *ě*-глаголов — всего 3 гнезда, а в классе С-корневых глаголов ни одного.

§ 18. Три важнейшие звена глагольной парадигмы (помимо инфинитива) — презенс (кроме 1 ед.), перфект и страдательное причастие — у *i*-глаголов а. п. *б* с очень раннего времени имели следующий вид: *пода́вить* – *подави́ль, -ла* – *пода́вленъ, -на*.

В а. п. *с* картина ударения была во всех звеньях иной: *улови́ть* – *улови́ль* (энклиномен), *улови́ла* – *уловле́нь, -енá*. Но в ходе эволюции для существенной части глаголов а. п. *с* эта картина изменилась, а именно, совпала с той, что в а. п. *б*:

А. п. <i>б</i>	Исходное = современное состояние			
	<i>пода́вити</i>	<i>подави́ль, -ла</i>	<i>пода́вленъ, -ена</i>	<i>пода́вить</i>
А. п. <i>с</i> (группа <i>лови́ти</i>)	Исходное состояние			
	<i>улови́ти</i>	<i>улови́ль, -ла́</i>	<i>уловле́нь, -енá</i>	<i>улови́ть</i>
	Современное состояние			
	<i>улови́ти</i>	<i>улови́ль, -ла</i>	<i>уло́вленъ, -ена</i>	<i>уло́вить</i>

Сближение с акцентовкой по а. п. *б* прошло через следующие этапы:

- 1) перфект *улови́ль, улови́ла* сменился на *уло́вьль, уло́вила*;
- 2) причастие *уловле́нь, уловленá* сменилось на *уло́вленъ, уло́влена*;
- 3) презенс *улови́ть* сменился (хотя и не во всех случаях) на *уло́вить*.

Рассмотрим эти этапы. В их анализе необходимо учитывать, что в рассматриваемых аналогических перестройках принимали участие не только *i*-глаголы, но и глаголы ряда других типов. Стрелка указывает на направление преобразования.

1. Выравнивание ударения перфекта по инфинитиву

	Исходное состояние	Современное состояние
А.п. <i>b</i> и <i>a</i>	<i>позна́ти</i> = <i>позна́ль, -ла</i> <i>потяну́ти</i> = <i>потяну́ль, -ла</i> <i>подави́ти</i> = <i>подави́ль, -ла</i>	без изменений
А.п. <i>c</i>	<i>собра́ти</i> ≠ <i>собра́ль, -ла́</i> <i>помяну́ти</i> ≠ <i>помяну́ль, -ла́</i> <i>улови́ти</i> ≠ <i>улови́ль, -ла́</i>	→ <i>собра́ль, -ла</i> → <i>помяну́ль, -ла</i> → <i>улови́ль, -ла</i>

Данный тип выравнивания был частью более широкой тенденции к замене маргинального ударения предфлексивным (см. Зализняк 1985, § 3.77).

2. Расширение акцентной оппозиции залогов в прош. времени с выравниванием по модели *написа́ль* ≠ *напи́сань*

После выравнивания перфекта по инфинитиву	Современное состояние
<i>написа́ти, написа́ль, -ла</i> ≠ <i>напи́сань, -на</i> <i>подави́ти, подави́ль, -ла</i> ≠ <i>пода́влень, -на</i>	без изменений
<i>закопа́ти, закопа́ль, -ла</i> = <i>закопа́нь, -на</i> <i>завоева́ти, завоева́ль, -ла</i> = <i>завоева́нь, -на</i> <i>позна́ти, позна́ль, -ла</i> = <i>позна́нь, -на</i> <i>уколо́ти, уколо́ль, -ла</i> = <i>уколо́ть, -та</i> <i>натяну́ти, натяну́ль, -ла</i> = <i>натяну́ть, -та</i>	→ <i>зако́пань, -на</i> → <i>заво́евань, -на</i> → <i>по́знань, -на</i> → <i>уко́лоть, -та</i> → <i>натя́нуть, -та</i>
<i>улови́ти, улови́ль, -ла</i> ≠ <i>уловле́нь, -на́</i>	→ <i>уло́влень, -на</i>
<i>привести́, приве́ль, -ла́</i> = <i>приведе́нь, -на́</i>	→ зап.-русск., блр. и укр. <i>приве́день, -на</i>

Эта линия акцентной перестройки состоит в формировании и укреплении акцентного противопоставления действительного и страдательного залогов — в форме противопоставления перфекта и страдательного причастия прошедшего времени, т. е. в той части гла-

гольной парадигмы, где противопоставление залогов выражается без помощи *-ся*.

В последней графе показан акцентный переход, реализованный только в западных говорах (и в белорусском и украинском языках), но не в русском литературном языке (см. о нем также ниже).

В XVI–XVII вв. ударение типа *уловѣль*, *уловѣла* господствовало на большей части великорусской территории; старое ударение сохранялось лишь на юго-востоке и в центре, а сверх того лишь в немногих точках; см. ДРУ, карта 14. А до нашего времени старое ударение не дожило уже нигде. Между тем старое ударение причастий а. п. с на *-ѣнь*, *-енѣ* еще сохранялось на гораздо большей территории, в частности, на всем северо-востоке; см. ДРУ, карта 16; и успешно сохраняется и доныне. Из этих фактов можно с высокой вероятностью заключить, что явление 1 началось (по крайней мере у *i*-глаголов) раньше, чем явление 2.

3. Расширение зоны единого ударения в страд. причастии и презенсе

После расширения оппозиции залогов в прош. времени		Современное состояние
<i>написѣти</i> , <i>написѣль</i> , <i>-ла</i> ≠	<i>написань</i> , <i>-на</i> = <i>напишетъ</i>	без изменений
<i>уколѣти</i> , <i>уколѣль</i> , <i>-ла</i> ≠	<i>уколоть</i> , <i>-та</i> = <i>уколеть</i>	
<i>натянуѣти</i> , <i>натянуѣль</i> , <i>-ла</i> ≠	<i>натянутъ</i> , <i>-та</i> = <i>натянетъ</i>	
<i>подавиѣти</i> , <i>подавиѣль</i> , <i>-ла</i> ≠	<i>подавленъ</i> , <i>-на</i> = <i>подавить</i>	
<i>уловиѣти</i> , <i>уловиѣль</i> , <i>-ла</i> ≠	<i>уловленъ</i> , <i>-на</i> ≠ <i>уловитъ</i>	→ <i>уловить</i>

Как можно видеть из таблицы, в целом ряде морфологических классов сложилась ситуация, в которой презенс (кроме 1 ед.) и страдательное причастие имеют одинаковое ударение. Внутреннего грамматического единства между этими двумя одинаково акцентуированными формами нет, но подобные случаи внешнего сходства двух прямо не связанных между собою форм тоже могут служить важными элементами морфонологических механизмов (ср., например, устойчивую внешнюю близость презентного причастия и формы 3 лица единств. числа презенса).

Таким образом, на ударение *уловитъ*, которое выпадало из данной закономерности, оказывала акцентное давление не только максимально близкая модель *подавить* (*попрѣситъ*, *схватитъ* и т.д.), но и более дальние модели (*напишетъ*, *натянетъ* и др.).

По данным памятников новое ударение типа *уловить* встречается в XVI в. еще лишь в качестве редкого отклонения в считанном

числе примеров, тогда как новое ударение типа *уловѣль*, как уже указано, в эту эпоху в большинстве регионов полностью победило. И ныне на северо-востоке много говоров, где при регулярном общерусском *уловѣл* и т. п. у многих глаголов еще может сохраняться старая модель презенса (*дарѣт*, *варѣт*, *сушѣт* и т.п.). Отсюда понятно, что явление 1 — более раннее, чем явление 3.

Сложнее вопрос об относительном порядке явлений 2 и 3.

Первые известные ныне свидетельства явления 2: *свобожъень* (ударение на *бѡ*) в Мериле Праведном и *прока́же*^н в Чудовском Новом Завете (оба XIV в.) — появляются раньше первых свидетельств явления 3 (последняя треть XV века). Но ввиду их единичного характера к ним необходимо относиться с осторожностью.

Важно также, что явление 2 охватило более широкий круг глаголов, чем явление 3. Такое соотношение между этими явлениями тоже говорит в пользу старшинства явления 2. Таким образом, следует полагать, что явление 2 возникло раньше явления 3, хотя, возможно, без большого отрыва во времени.

Здесь мы подходим к наиболее трудному вопросу, на который до сих пор никакого ответа не было: почему вторая переакцентовка охватила только переходные глаголы? Почему, например, в словоформах *закипѣтъ* или *замолчѣтъ* ударение совершенно устойчиво, т. е. они ни в какой степени этой переакцентовке не поддались?

Можно предполагать, что это результат воздействия двух разных факторов.

Первый фактор — это количественные соотношения разных групп переходных и непереходных глаголов, существовавшие уже в древнерусском. Глаголы II спряжения (т. е. *i*-глаголы и *ѣ*-глаголы) а. п. *b* и *c* можно разделить на следующие группы: 1) глаголы церковно-книжного характера; 2) глаголы нейтрального или сниженно-го стиля. Последние делятся на: а) отыменные глаголы; б) непроизводные глаголы движения; в) прочие непроизводные глаголы.

Группа 1 в силу § 3 практически целиком относилась к а. п. *c*.

Группа 2а в силу первой переакцентовки также почти целиком относилась к а. п. *c*.

Группа 2б включала как переходные (*водѣти*, *возѣти*, *носѣти*, *гонѣти*), так и непереходные глаголы (*ходѣти*, *бродѣти*, *блудѣти*, *стунѣти*, *скочѣти*), и вся она относилась к а. п. *b*: *водѣтъ*, *ходѣтъ* и т. д.

В группе 2в количественные отношения (для глаголов, входящих в ДРУ) были таковы (при подсчетах в число изменивших ударение включены также и те, где ныне ударение колеблется):

Непроизводные, кроме глаголов движения

Первоначальное состояние			Изменили ударение
Переходные	<i>b</i> (<i>i</i> -глаголы)	около 25	0
	<i>c</i> (<i>i</i> -глаголы)	около 50	38
	(<i>ě</i> -глаголы)	3	3
Непереходные	<i>b</i> (<i>i</i> -глаголы)	1	0
	<i>c</i> (<i>i</i> -глаголы)	5	0
	(<i>ě</i> -глаголы)	35	0

Таким образом, для непроизводных глаголов (кроме глаголов движения) было верно, что: 1) если глагол был непереходным, то он почти обязательно относился к а. п. *c*; т. е. имелась статистическая связка непереходности с акцентовкой по а. п. *c*; 2) если глагол относился к а. п. *b*, то почти обязательно был переходным. Можно полагать, что в этих условиях сформировалась также — в качестве оборотной стороны пункта 1 — ассоциативная связка переходности с акцентовкой по а. п. *b*.

Тем самым возник некоторый стимул к смене ударения у переходных глаголов а. п. *c*, которые этим двум связкам не соответствовали.

Подавляющее большинство глаголов, которые подверглись второй переакцентовке, — это переходные глаголы группы 2в (остаток составляют те немногие переходные глаголы группы 2а, которые последовали образцу непроизводных).

Второй фактор — это та связь акцентовок презенса и страдательного причастия, которая рассмотрена выше.

Понятно, что данный фактор действовал только на переходные глаголы, поскольку у непереходных страдательного причастия нет.

Остается вопрос, почему такая же замена, как *уловить* на *уловить*, не произошла с *приведеть*, *отнести* и т. п. Ведь причастия типа *приведень* отмечаются в памятниках с конца XV века, широко распространены ныне в западных русских говорах и в просторечии и стали нормой в белорусском и украинском языках. Они морфологически ближе к типу *уловень*, чем все другие модели причастий. В белорусском и украинском их акцентное поведение одинаково с причастиями *i*-глаголов — и те, и другие получили здесь обязательное ударение на корне: укр. *привéдений*, *уло́влений* и т. п.

Ответ, с нашей точки зрения, состоит в том, что, в отличие от *i*-глаголов, здесь не было первого из двух факторов, действовавших в случае с *уловѣтъ*, а именно, не было обширной группы глаголов того же морфологического класса, в которых уже имелось бы ударение типа **védetъ* и которые могли бы послужить непосредственными образцами для ожидаемой замены. В самом деле, как уже указано, в классе *С*-корневых глаголов к а. п. *b* принадлежит единственный глагол *мочѣ* (презенс *могѹ, мѡжетъ*), и для создания «силы притяжения» его явно недостаточно.

Устойчивое сохранение старого ударения презенсами типа *ve-détъ* подкрепляет изложенную выше гипотезу о том, что изучаемая нами замена *уловѣтъ* на *уловѣтъ* осуществилась именно в силу совместного действия указанных двух факторов.

Заключение

§ 19. Историю ударения глаголов II спряжения можно кратко резюмировать так.

Переход от древнего состояния к современному осуществился путем следующих основных изменений:

1) церковнославянский лексический пласт обобщил а. п. *c* и в дальнейших переакцентовках не участвовал;

2) в собственно русском лексическом фонде уже в древнерусскую эпоху начался процесс перевода отыменных глаголов из а. п. *b* в а. п. *c* (первая переакцентовка);

3) несколько позднее начался процесс перевода непроизводных переходных глаголов (и небольшой части отыменных) из а. п. *c* в а. п. *b*, не закончившийся и поныне (вторая переакцентовка).

В результате сформировалась простая схема акцентовки глаголов II спряжения на *-ѣтъ, -ѣтъ, -ѣтъ*, в идеализированном виде выглядящая так:

глаголы возвышенного и книжного стиля — модель РОДѣШЬ;

из прочих — отыменные — модель РОДѣШЬ; непроизводные: переходные — модель ПРѡСИШЬ, непереходные — модель РОДѣШЬ.

Но в действительности эта схема реализована еще не полностью: сохраняется (по крайней мере, в литературном языке) некоторое число ударений типа *долбѣтъ* (у переходных глаголов). С другой стороны, имеются случаи выхода второй переакцентовки за свои основные рамки — распространения ее на некоторые отыменные глаголы (*трѹбит, вкљочит* { \diamond }), изредка даже на непереходные (*кѹтит, дрѹжит*).

ЛИТЕРАТУРА

- БАС — Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1950–1965. Т. 1–17.
- Бромлей 1978 — *С. В. Бромлей*. О следах общеславянской *с*-парадигмы в акцентной системе русского глагола (по материалам говоров) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1976. М., 1978. С. 92–114. (Перепечатано в: *С. В. Бромлей*. Проблемы диалектологии, лингвогеографии и истории русского языка. М., 2010. С. 320–338).
- Веселовская 1958 — *З. М. Веселовська*. Зміни в наголосі дієслів 2-ї дієвідміни на *-и*- в східнеслов'янських мовах // Наукові записки Харків. пединст. іноземних мов. Т. IV. Харків, 1958.
- Воронцова 1979 — *В. Л. Воронцова*. Русское литературное ударение XVIII–XX вв. Формы словоизменения. М., 1979.
- Грамм. — *А. А. Зализняк*. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Ок. 110000 слов. М., 2008. Изд. 5-е, испр.
- Деул. слов. — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). Под ред. И. А. Оссоветцого. М., 1969.
- ДРУ — *А. А. Зализняк*. Древнерусское ударение. Общие сведения и словарь. М., 2014.
- Дыбо 1969 — *В. А. Дыбо*. Древнерусские тексты как источник для реконструкции праславянского ударения // Вопросы языкознания. 1969. № 6.
- Еськ. — *Н. А. Еськова, С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова*. Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы. Свыше 70000 слов / Под ред. Н. А. Есковой. М., 2014. 10-е изд.
- Еськова 2008 — *Н. А. Еськова*. Нормы русского литературного языка XVIII–XIX веков. Ударение, грамматические формы, варианты слов. Словарь, пояснительные статьи. М., 2008.
- Зализняк 1981 — *А. А. Зализняк*. Глагольная акцентуация в южновеликорусской рукописи XVI в. // Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфонологии. М., 1981. С. 89–174.
- Зализняк 1985 — *А. А. Зализняк*. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Мер. — Мерило Праведное, XIV в. – РГБ, ф. 304.1, № 15
- Нил. — Жития святых, писанные в 1490-х гг. Нилом Сорским, – РГБ, ф. 113, № 630.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка: <http://www.ruscorpora.ru/>
- Образ. — Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров: По материалам лингвистической географии / Под ред. В. Г. Орловой. М., 1970.
- Пирогова 1963 — *Н. К. Пирогова*. Акцентологические процессы в системе глаголов с тематическим *-и*- // Славянская филология. Вып. 5. 1963.
- Рус. диал. — Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964.
- Сенн. — Толкование Феофилакта болгарского на евангелия от Матфея и от Марка, 1499–1500 г. — ГИМ, Синод. 302.

- Т.пс. (Троицкая псалтирь) — Псалтирь; в рукописи РГБ, ф. 304.1, № 329. Последняя четв. XV в.
- Флав. — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод. М., 2004. Т. 1–2.
- Хазагеров 1973 — Т. Г. Хазагеров. Ударение как средство дифференциации грамматических форм // Вопросы языкознания. 1973. № 4.
- Чуд. — Чудовский Новый Завет, XIV в. — По изданию: Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия Митрополита Московского и всея Руси. (Фототипическое издание Леонтия, Митрополита Московского.) М., 1892.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Положение в современном языке*

§ 2. С глаголами на безударное *-ить* или *-еть* проблем нет: это всегда модель СТАВИШЬ. Практическая задача состоит в том, чтобы для произвольного глагола II спряжения на ударное *-ить* или *-еть* (*-ать*) найти правила распределения моделей ПРОСИШЬ и РОДИШЬ.

Основное положение состоит в том, что таких правил два типа:

старое правило = правило сохранения традиционного ударения (т. е. ударения более ранней эпохи);

новое правило = итоговое действие комплекса современных синхронных правил.

Они могут противоречить друг другу. В ситуации конфликта в разных случаях наблюдаются все стадии перехода от сохранения старого правила до полной победы нового. Промежуточные ступени, т. е. разные этапы продвижения эффектов нового правила, маркируются в Еськ. следующими ярлыками: «неправ(ильно)», «не рек(омендуется)», «и доп(устимо)», просто «и» (т. е. наравне со старым). Возможны также случаи, когда эффект нового правила отмечается только в говорах.

Синхронные правила распределения моделей ПРОСИШЬ и РОДИШЬ

Правила применяются в том порядке, в котором они приводятся ниже.

В списках примеров всякий глагол (как простой, так и с приставкой) в нормальном случае представляет всё гнездо, т. е. простой глагол и все

* Текст представляет собой часть рабочих материалов А. А. Зализняка (основные его положения отражены в статье) и не предназначался автором для печати в настоящем виде. Авторские ремарки к тексту приводятся по тому же принципу, что и в статье. — *Ред.*

приставочные, как невозвратные, так и возвратные. Если он представляет, кроме самого себя, только еще какой-то приставочный глагол, это указывается в скобках.ⁱ

Глагол, подпадающий под действие нескольких разных пунктов, может приводиться в качестве примера в разных списках.ⁱⁱ

В изложении используются понятия полногласия и неполногласия, т. е. отражения праславянских сочетаний типа **TorT* соответственно в виде *оро, оло, ере, еле* или в виде *ра, ла, ре, ле*. Кроме того, используется понятие «квази-полногласия», т. е. присутствия в корне сочетания *oTo* или *eTe*, где *T* — любая согласная, кроме *p* и *л*. Это понятие необходимо потому, что в некоторых случаях квази-полногласные корни по своему акцентному поведению уподобляются полногласным.

Используется также понятие отыменного (т. е. отсубстантивного или атадъективного) глагола. К сожалению, границы совокупности отыменных глаголов не могут быть очерчены полностью строго — прежде всего потому, что в ряде случаев неоднозначно решается вопрос о направлении производности между именем и глаголом. Сюда относятся, в частности, те случаи, когда имя обозначает само действие или состояние, выражаемое глаголом, например: *труд – трудиться*,ⁱⁱⁱ

1. Морфонологическое правило.

Акцентная модель ПРОСИТЬ возможна только у тех глаголов, у которых непосредственно перед *-ить* (*-эть, -ать*) стоит односложныйⁱ или полногласный корень. Соответственно, все прочие глаголы следуют акцентной модели РОДИТЬ.

Примеры: односложный корень — *говорит, лебезит, шелушит, тормозит, нагромоздит, освободит*; неслоговой корень — *приснится, почтит, продлит, польстит, отомстит*; основа, содержащая суффикс, — *взрослит, затруднит, смягчит, кипятит, окроветит*.

Отклонения: варианты *шевелит* и *облокотит(ся)*, допустимые при нормативных *шевелит, облокотит(ся)*; *остановит(ся)*, *у-, по-*. Во всех трех случаях причиной отклонения является эффект уподобления квази-полногласного корня полногласному. Но в случае *остановит(ся)* ситуация осложнена, во-первых, тем, что *станов* аномальным образом уподоблено корню, во-вторых, тем, что *ано* в силу аканья воспринято как эквивалент *оно*, т. е. как квази-полногласное сочетание).

ⁱ {А если он представляет только самого себя?}

ⁱⁱ {Где-то сказать общее о взаимном влиянии омонимов, членов одного гнезда и разных значений одного слова.}

ⁱⁱⁱ {+ Проблема усечения суффикса (*мочить, повисить*). [Об этом есть внутри правил и в сноске. Но общее надо дать именно здесь!]}

¹ Счет слогов — по состоянию в данном глаголе; например, корень *сон/сн* в глаголе *присниться* — неслоговой.

2. Правила, связанные с церковнославянским происхождением слова.

а) Глаголы с неполногласием в корне всегда следуют модели РОДИ́ШЬ.

Примеры: *истреби́т, употреби́т, охладíт, наградíт, повредíт, предупреди́т, осрами́т, распространíт, сохрани́т, пленíт, пригласíт, преврати́т, сократи́т, подсласти́т, омрачи́т.*

Имеется целый ряд случаев, когда различию между неполногласным и полногласным корнем соответствует также акцентное различие, например:

влади́т — волочи́т
храни́т — хорони́т
заградíт — загороди́т
преврати́т — перевори́т
омрачи́т — заморочи́т

б) Глаголы, имеющие в парадигме чередование *ж/жд* (*зд/жд*) и *т/ц*, как правило следуют модели РОДИ́ШЬ.

Примеры: *роди́т, охладíт, победи́т, пригвозди́т, сопроводи́т, утрудíт, обрати́т, просветíт, восхитíт, поработíт, отяготи́т, воплоти́т, укроти́т, смутíт.*

Отклонения: *осуди́т, об-, при-* (обобщено ударение всего гнезда по бесприставочному *суди́т* и *за-, рас-, от-* и др.); вариативность в *пробуди́т, по-, осветíт, поглоти́т.*

в) Даже без внешних признаков из пп. «а» и «б» глаголы с книжной, возвышенной или архаичной стилистической окраской следуют модели РОДИ́ШЬ. Понятно, однако, что это правило носит уже неформальный характер и границы здесь не вполне четки.

Примеры: *таи́т, оскорби́т, уязви́т, благослови́т, вдохнови́т, осуществи́т, кади́т, руководи́т, сооруди́т, раздражи́т, уничтожи́т, порази́т, водрузи́т, испепели́т, благоволи́т, устремíт, воспламени́т, учини́т, оскверни́т, оскони́т, окропи́т, совокупи́т, предвари́т, обагри́т, внедри́т, водвори́т, сотвори́т, удовлетвори́т, покори́т, изнури́т, поощри́т, воскресíт, искусíт, вкусíт, обличи́т, ополчи́тся, внуши́т, сокруши́т, обобщíт.*

Имеется довольно много случаев, когда стилистическая разница создает акцентные различия внутри одного гнезда, иногда даже при одной и той же приставке, например:

насади́т (учение, культуру) — *насади́т* (картошки)
просветíт (народ) — *просветит* (рентгеном)
напои́т (влагой луга) — *напои́т* (гостя чаем)
возмутíт (публику) — *взмутíт* (воду)
погрузи́т (в жидкость) — *погрузи́т* (на транспорт)
обели́т, убели́т — *побели́т, забели́т*

препроводит — *проводит*

вопросит — *спросит*

возбудит — *разбудит*

преклонит — *наклонит*

одарит — *подарит*

уделит — *поделит*

подразделит — *разделит*

Пример аналогичной пары несколько иного строения: *оцуют* — *оцутится*.

Ср. также стилистические различные синонимы из разных гнезд:
целит, *исцелит* — *лечит*, *залечит*.

3. Словообразовательные правила.

а) Отадъективные² глаголы, сохраняющие прямую семантическую связь с исходным прилагательным, следуют модели РОДИШЬ (около 100 гнезд в Грамм.).

Примеры — производные со значением:

«делать таким» — *чернит*, *пьянит*, *бодрит*, *оживит*, *умертвит*, *оголит*, *умудрит*, *распрямит*, *обновит*, *освежит*, *молодит*, *укоротит*, *оздоровит*;

«вести себя, проявляя такое качество» — *дерзит*, *острит*, *хитрит*, *шустрит*, *нудит*, *гнусит*, *темнит*, *ловчит*, *тончит*, *глупит*, *дурит*, *резвится*, *гордится*, *скупится*, *храбрится*, *дичится*;

«обладать в некоторой степени таким качеством» — *кислит*, *горчит*.

Отклонения:

сохранение древнего {◊} ударения: *мочит*; то же частично — *белит* и произв. (кроме *о-*, *у-*, см. выше); новое {◊} ударение в *сушит* — вероятно, в силу тесной связи с антонимом *мочит*;

чистые отклонения: *тупит* и произв. (кроме *притупит*, *о-*), но жаргонное *тупит* ‘ничего не понимает’ — по общему правилу; кроме того, не рекомендуемый вариант *повторит* и «неправильное» *крепит* при нормативных *повторит*, *крепит*.

Примечание. Глаголы *пустить*, *простить*, *лишить* уже потеряли смысловую связь с *пустой*, *простой*, *лихой* и ведут себя как непроизводные.

б) Отсубстантивные глаголы, сохраняющие прямую семантическую связь с исходным существительным, в нормальном случае тоже следуют модели РОДИШЬ (около 180 гнезд в Грамм.).

² Учитываются производные как от полной основы прилагательного (например, *живить*, *темнить*, *тончить*), так и от усеченной (т. е. от чистого корня, например, *мочить*, *дерзить* от *мочки*, *дерзкий*). То же верно и для отсубстантивных производных.

Особый случай составляют производные от названий орудий и инструментов, означающие «работая инструментом X, делать то, для чего предназначен X»: для этой небольшой группы нормой является модель ПРОСИШЬ. Сюда относятся: *пи́лит*, *ко́сит* (косой), *у́дит*, *моло́тит* (со сдвигом значения), *прице́пит*, *ско́родит*; далее *ско́блит*, *привин́тит* (наряду с *скобли́т*, *привинти́т*), не рекомендуемые *включи́т* (под- и др.), *све́рлит* (при *включи́т*, *сверли́т*) и «неправильное» *бу́рит* (при *бурит*). Отклоняются: *борони́т*, *кайли́т*, *сболти́т*.

Примеры соблюдения основного правила — производные со значением:

из числа переходных глаголов³:

«покрывать (пропитывать) X-ом», «снабжать (наделять) X-ом» (от названий физических объектов) — *засте́клит*, *осмоло́ит*, *запы́лит*, *зачехли́т*, *окайми́т*, *обслюни́т*, *озолоти́т*, *замости́т*, *перебори́тит*.

«придавать форму (качество) X-а» (от названий линий, фигур, пятен) — *изборозди́т*, *наследи́т*, *разграфи́т*, *расцвети́т*, *затени́т*;

«вызывать чувство (состояние) X» — *стыди́т*, *страши́т*, *смеши́т*, *охмели́т*, *оскорби́т*, *прогневи́т*.

различные мелкие группы — *озари́т*, *удиви́т*, *улести́т*, *обнули́т*, *казни́т*.

Из числа непереходных глаголов:

«реализовать свойство (или предназначение) X-а» — *труби́т*, *ду́дит*; *голоси́т*, *баси́т*;

«исполнять функцию (профессию) X-а» — *гости́т*, *цари́т*, *сторожи́т*, *шофери́т*; *воцари́тся*;

«вести себя как лицо (или предмет) X или проявляя свойство X» (обычно с неодобрительной оценкой) — *хами́т*, *ханжи́т*, *лиси́т*, *хитри́т*, *мудри́т*, *бубни́т*, *язви́т*, *грози́т*, *хохми́т*, *финти́т*; *юли́т*, *форси́т*, *чуди́т* (в отличие от *ему́ чуди́тся*), *бузи́т*, *блуди́т* (в отличие от *заблуди́тся*); *суети́тся*, *мелочи́тся*, *петуши́тся*;

«обнаруживать нежелательную особенность X» (о неодушевленных предметах) — *шерсти́т*, *мори́тит* (в отличие от *мо́ричит лоб*), *кисли́т* (в отличие от *оки́слит*); *искри́т*, *сбои́т*, *дыми́т*, *чади́т*, *барахли́т*; *слези́тся*;

«испытывать чувство X» — *грусти́т*, *хандри́т*;

«принимать форму X-а» — *толпи́тся*, *рои́тся*, *бугри́тся*, *холми́тся*, *змеи́тся*;

«рожать X-а» — *ожереби́тся*, *око́тится*, *оцени́тся*, *объягни́тся*;

³ В гнезде одни глаголы могут быть переходными, а другие непереходными, например, *дыми́ть* и *продыми́ть*. В списки примеров в таких случаях обычно включается {∅} простой глагол, если только он не является намного более редким, чем производные. Возвратные глаголы приводятся только там, где невозвратный отсутствует или намного более редок, чем возвратный.

безличные от названий природных явлений — *шторми́т, пуржи́т, дожди́т*;

различные мелкие группы — *колоси́тся, сочи́тся, колеси́т, рыси́т, норви́т, подкузьми́т, божи́тся*, просторечн. *горби́т* ‘работает до изнеможения’ (в отличие от *горбит спи́ну*).

Отклонения:

сохранение древнего ударения: *же́нит(ся), бе́сит(ся), се́рдит(ся), служи́т, ту́жит* (производное от *туга́* ‘печаль’, ‘тоска’, а не от *туго́й*), *оте́лится*; особые случаи, где ударение равно древнему при более сложной истории — *крэ́стит, че́ртит, се́лит* (наряду с *сели́т*).

чистые отклонения: *поручи́т* (но *обручи́т, в-, при-*), *це́нит, ле́нится*; колебание: *ми́рит, дру́жит, со́лит, кру́жит, строчи́т; поме́стит*, у-; не рекомендуемые *со́рит, лу́жит*, «неправильное» *одолжи́т*.

Примечание. У ряда глаголов ныне смысловая связь с производящим существительным уже ослаблена, но общее правило продолжает действовать. Таковы, в частности: *грози́т, громи́т, бубни́т, обручи́т, размозжи́т, наustíт, отличи́т, дуби́т, тузи́т*. Кроме того, следует отметить, что существуют глаголы, по смыслу тесно примыкающие к перечисленным выше группам и так же акцентуированные, у которых в современном литературном языке нет производящего слова, например: *мельтеши́т, глуми́тся, кичи́тся, гомози́тся, колготи́тся*.

в) Имеется также значительная группа глаголов, где отношение производности между именем и глаголом оказывается недостаточно определенным: имя и глагол примерно в одинаковой степени могут претендовать на первичность.

На такие случаи правило об ударении отыменных глаголов не распространяется. Они входят в сферу действия последующих правил.

Вот некоторый неполный список глаголов, которые можно отнести к этой категории: *яви́ть, пруди́ть, труди́ть, суди́ть, ряди́ть, грузи́ть, ва́лить, корми́ть, крени́ть, дари́ть, свети́ть, шути́ть, плати́ть, крути́ть, кроши́ть; тай́ть, вереди́ть, подзуди́ть, шали́ть, хули́ть, копи́ть, спеши́ть, вороши́ть, вери́ть*.^{iv}

4. Семантико-синтаксические правила.

Отделим теперь все те глаголы, которые подчинились правилам 1–3. Дальнейшие правила предназначены для оставшейся зоны. Эта зона содержит в основном непроизводные глаголы, но включает также глаголы из п. 3в; кроме того, мы включаем в нее все те глаголы, упомянутые выше, которые не подчинились правилам 1–3.

Для этой зоны правила таковы:

^{iv} {+лениться?}

а) Глаголы движения кратного подвида следуют модели ПРО́СИШЬ. Это *хóдит, брóдит, вóдит, вóзит*, а также *гóнит* (у которого нет инфинитива на *-ить*).

б) Из остальных глаголов, если им удалось преодолеть сопротивление старого правила, **переходные следуют модели ПРО́СИШЬ, непере-ходные — модели РОДÍШЬ.**

Уточнения к использованию понятия переходности.

У глаголов речи, указывающих на способ говорения (*говори́ть, крича́ть, вопи́ть*) возможность переходного употребления (*говорить речь, проговорить слово, кричать ура, проищать что-то невнятное* и т. п.) не принимается во внимание, т. е. такие глаголы трактуются как непере-ходные — в соответствии с основным типом своего употребления.

В согласии с указаниями словарей, глагол *глядéть* трактуется как непере-ходный, а глагол *смотре́ть* (допускающий оба типа управления) — как переходный.

Безличные глаголы, означающие внутренние ощущения (*его тош-нит, его му́тит, его зно́бит*), с точки зрения данного правила прирав-ниваются к непереходным.

Непереходность, возникающая за счет добавления *-ся*, для данного правила не учитывается⁴. Ударение возвратного глагола определяется ударением соответствующего невозвратного, с которым оно в нормаль-ном случае совпадает, — даже если возвратный глагол более употре-бителен, чем невозвратный (как, например, *жéнится, тру́дится, умé-тится*).

Исключения: *сади́тся* (ср. *са́дит*), *ложи́тся* (ср. *поло́жит* и нелите-рат. *ло́жит*)⁵.

Если невозвратного глагола нет, берутся другие глаголы того же гнезда (например, *облени́ть* для *лени́ться*, *останови́ть* для *станови́ть-ся*). Таковых нет только для *очу́тится, бои́тся*; в них просто сохраняется древнее ударение.

Примеры соблюдения правила о переходности:

переходные глаголы — *лю́бит, да́вит, лóвит, у́дит, б́удит, с́удит, ни́лит, ко́рмит, ва́рит, смóтрит, прóсит, ка́тит, ну́тит, ле́чит, мо́чит, с́ушит; дёржит, тёрнит, вёртит;*

⁴ Это объясняется прежде всего общей тенденцией к единству ударения внутри гнезда. Но можно предполагать также, что глаголы с *-ся* не имеют свойственной непереходным глаголам тенденции к акцентной модели РОДÍШЬ еще и потому, что непереходность у них уже выражена этим *-ся* и тем самым в ее акцентном выражении уже нет необходимости.

⁵ Не является подлинным исключением глагол с колеблющимся ударением *кү́рится* ‘испускает дымок, пар’ (при обычном *кү́рит*): он одинаков по ударению с невозвратным *кү́рит* в том же значении (где вариант с *-ит* связывает его с группой *пуржи́т, мороси́т, запороши́т* и т. п.).

непереходные глаголы — *сиди́т, лежи́т, стои́т, виси́т, бежи́т, ле́тит, гляди́т, кричи́т, молчи́т, тре́щит, боли́т, гори́т, кипи́т; ды́мит, мороси́т, говори́т, хитри́т, хами́т, шали́т.*

Примеры сохранения исконного ударения вопреки правилу о переходности:

переходные глаголы — *прости́т, реши́т, лиши́т, роди́т, расти́т, усыпи́т;*

непереходные глаголы — *слу́жит, ту́жит.*

A. A. Zalizniak

On history of a non-phonetic change

The article looks at the accentual evolution of second conjugation verbs, which is important for Russian accentology and essential for understanding of non-phonetic changes. Special attention is given the massive shift of verbs with the stress on the flexion (лови́шь, учи́шь type) to the variable stress (ло́вишь, учи́шь type) in the present tense.

Keywords: accentual paradigm, model, reaccentuation, verb, derivative, one-syllable stem / multiple syllable stem, transitivity/intransitivity, ‘evolutionary zigzag’, chronology.